

СЕРГЕЙ ПАНЧЕНКО

ВЕТЕР

НАЧАЛО ВРЕМЕН

ИДДК

КНИГА 2

Ветер

Сергей Панченко

Ветер. Книга 2. Начало времен

«ИДДК»

2020

Панченко С. А.

Ветер. Книга 2. Начало времен / С. А. Панченко — «ИДДК»,
2020 — (Ветер)

Группе туристов, отправившихся на плато Путорана и дежурной смене в пусковой шахте оборудованной УКП (унифицированным командным пунктом) посчастливилось пережить безумный ураган. Но выжить мало, нужно учиться выживать. Истории сложной адаптации героев разбавлены сюжетом про людей, живущих спустя сотню лет после катастрофы. Содержит нецензурную брань!

© Панченко С. А., 2020

© ИДДК, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Сергей Панченко

Ветер. Книга 2

Начало времён

Глава 1

Первой причиной, побудившей Вадима всерьёз задуматься об этом путешествии, стал сон. Это был один и тот же сон, снившийся несколько раз. После него оставалось приятное послевкусие, державшееся несколько дней. Во сне он сидел на самом краю вершины плоской горы и смотрел вниз. Там, зажатый между этой и соседней, точно такой же плоской горой, пестрел разноцветьем лес, прорезанный неровной линией реки. Ветер трепал волосы и траву, а из ущелья поднимался такой невероятный аромат тайги, что у горожанина кружилась голова.

После сна Вадим пытался сохранить в себе ощущение, которое испытал там. Спокойствие, безмятежность и причастность к кусочку наблюдаемого мира. Горожанину серьёзно не хватало этих ощущений. Ежедневная суэта, гонки, воскресные дела, съедающие время, и так по бесконечному кругу, изо дня в день. Эффект повторяющегося сна Вадим воспринял как попытку организма получить отдых, в первую очередь – моральный.

Мистическую связь между сном и явью он заметил случайно. На двери туристической конторы увидел большой плакат, призывающий совершить экстремальный двухнедельный пеший тур на плато Путорана. Самой удивительной была картинка на плакате, похожая на ту, что он видел во сне. Плоские вершины гор, расщелины между которыми занимали леса и реки.

До сего момента, Вадим слышал об этом плато только в школе, и то краем уха. Теперь у него появился интерес изучить его более детально, постепенно придя к решению воспользоваться предложением туристической фирмы. Но только не в этот год. Вадим не хотел брать кредит, а своих денег не хватало. Помимо путёвки многое нужно было купить: крепкую удобную обувь, способную выдерживать многокилометровые переходы по курумникам, валежнику и осыпям. Рюкзак, трекинговые палки, куртку, какую-нибудь металлическую посуду, провиант, инструмент, таблетки на всякий случай. Хотелось ещё взять с собой «зеркалку», чтобы запечатлеть свой отдых очень качественно.

Вадим решил поступить так, но как всегда, как только человек принимает твёрдое решение, судьба начинает испытывать его на прочность. Та улица, на которой находилась туристическая фирма, лежала на пути от остановки к работе. Как-то утром Вадим бодрячком, после крепкого кофе и трёх подходов к турнику, скорым шагом спешил на работу. Издали он заметил, как на крыльце туристической фирмы топталась девушка. Он решил, что это их работница и решил задать ей пару вопросов.

– Извините, я решил воспользоваться вашим предложением по поводу путешествия на плато Путорана. Хотел узнать, на будущий год сумма не сильно изменится?

Девушка не сразу ответила. Её лицо озарила немного смущённая улыбка.

– Я не работаю здесь. Я сама хотела туда съездить. Жду вот, когда откроют.

– Ой, простите, – теперь наступила очередь смущаться Вадиму. – А я подумал, что вы работаете здесь. Красивые места там.

– Да, очень. У меня подруга была в том году в тех местах. Ей очень понравилось.

– А вы в этом году хотите туда отправиться?

Вадим рассмотрел девушку. Она была симпатичной, но такой неброской красотой, которая бывает у людей, имеющих ещё что-то помимо симпатичной внешности. В голове у него сразу же закрутился рой мыслей.

– Да, я не люблю откладывать. На следующий год может появиться ещё какая-нибудь хорошая идея, – ответила она просто, но вместе с тем вполне логично.

– А вас не пугают сложности? Там же нужна хорошая физическая подготовка.

– Я гимнастка, с шести лет физические тренировки.

– Ух ты! Прости, я же по привычке, – лицо Вадима залилось краской.

– Ничего, я привыкла. Меня Викой зовут.

– Это... Вадим. Очень приятно.

– Взаимно. А ты что, отложил на потом?

– Да, денег хотел подкопить.

– Ммм, жалко. Было бы неплохо поехать с кем-нибудь знакомым из города.

Её сожаление подействовало на Вадима, как сигнал, заставляющий срочно менять планы. Он вдруг почувствовал, как судьба мягко взяла его за руку и подвела к какой-то важной точке. Не понять её намёка было нельзя, можно было только проигнорировать.

– Вот, Вика, моя визитка, – Вадим протянул ей рабочую визитку. – Тут мой телефон и почта. Я попробую придумать что-нибудь, а ты, если не тяжело, позвони или письмо отправь, чтобы узнать. Ага?

– Ага, менеджер Вадим, – усмехнулась Вика. Но визитку взяла.

– Буду ждать.

– Непременно наберу.

Вадим развернулся и скорым шагом направился к месту работы, а в душе его уже созрела уверенность в том, что планы на это лето надо серьёзно менять.

В аэропорту Норильска «Алыкель» Вадима и Вику встретил мужчина лет сорока, с табличкой с их именами.

– Добрый день! Как добрались? – вежливо спросил он.

– Нормально, но у меня в ушах шумит от этого самолёта, – призналась Вика.

– Да уж, Ан-26, это вам не аэробус, – поддержал встречающий их мужчина. – Но вы-то сюда приехали за экстримом, так что считайте, что он начался с самолёта. Меня Николаем зовут.

– А по отчеству? – спросил Вадим.

– Просто, Николай. Без фамильярности.

Николай помог забросить в багажник своей машины пухлые рюкзаки туристов.

– Последний вопрос, который я должен вам задать, перед тем, как отправить вас в горы.

Вы мазь от комаров купили? – спросил Николай.

– Да, я и мазь, и спрей взяла с собой.

– Я мазь купил. Пять штук, – ответил Вадим.

– Ну, теперь ясно, вы не пропадёте. Садитесь. – Николай плюхнулся в своё кресло.

Вадим и Вика сели вдвоём назад. За те три дня, что были у Вадима на сборы, они успели сдружиться. Даже больше, они тянулись друг к другу, но никак не решались сделать шаг навстречу. Чтобы понять нового человека времени прошло слишком мало. Пытаясь выглядеть независимыми, и Вадим и Вика не упускали момента быть ближе. Им казалось, что они умело прикрываются общей целью, но для любого человека со стороны могло показаться, что парочка просто милуется.

Николай доставил парочку туристов на причал реки Норильской – широкой полноводной реки, питающейся водами озёр, наполненных талой водой, осадками и тающими ледниками плато Путорана. На берегу реки стояла группа туристов, собравшихся со всех концов необъятной России. Те, кто прибыли раньше с интересом рассматривали Вадима и Вику. От группы отделился коренастый бородач и подошёл к новеньким.

– Кто это у нас? – спросил он.

– Вадим Михайлов и Виктория Терёхина, – представился за обоих Вадим.

– Так, ясно. Меня зовут Зураб, я главный инструктор в группе. Я отвечаю за вас, а вы, соответственно, прежде, чем что-то сделать, спрашиваете меня. Так мы избежим ненужных проблем, и тогда ваш отдых пройдёт радостно и весело, и вам захочется всё повторить. Идёт?

– Идёт, – ответил Вадим.

– Для начала, вон там туалет, а там – пункт питания. Три пирожка и стакан чая включены в трансфер.

– Зураб, а когда выезд? – спросила Вика.

Зураб достал туристический компас.

– Примерно, через час. Ждём москвичей.

– Угу, спасибо.

Вадим хотел есть, да и в туалет тоже. Вика была с ним солидарна. Они поступили, может быть, немного невежливо по отношению к остальной группе, но их поняли. Отведав по три пирожка с начинкой из морошки и голубики, Вадим и Вика подошли к основной группе и перезнакомились. Возрастной разброс группы оказался довольно широким. Старше всех оказались Виталий и Елена, на вид им было за пятьдесят. Выглядели они подтянуто. Никаких сомнений в том, что они занимаются делом, в котором понимают, не было. Вадим подумал, что Виталий, скорее всего, военный на пенсии, которому не хватает адреналина. Пять человек были с одного предприятия в Уфе – менеджеры, отмеченные руководством. Они были молоды, амбициозны, но ещё бедны. Нехватка бюджета сквозила из всех щелей. От дешёвых рюкзаков со следами штопки до ботинок, лишь внешне стилизованных под внедорожные. Этих пятерых парней звали: Аркадий, Руслан, Тимур, Вячеслав и Максим.

Были два серьёзных мужика, по виду ближе к сорока. Одного звали Михаил, второй представился, как Петро. Вадим подумал, что у них определённый финансовый интерес к путешествию, разведка боем. Потом они познакомились с двумя девушками в обществе громкоголового парня. Девушек звали Римма и Татьяна. Они были хорошенькими, подтянутыми, но бывший с ними парень, представившийся Марком, выглядел чересчур пухлым для предстоящего путешествия. Вадим заранее представил, как за две недели пошатнётся уверенность этого парня в себе. Зачем он решился на это тяжёлое путешествие? Он ведь только растеряет свой авторитет перед красотками.

Обособленность между людьми в группе ещё не была преодолена. Зураб периодически прохаживался между людьми и тезисно выдавал информацию о предстоящем походе.

– Смотрим под ноги, не лезем на осыпи. Не наступаем на камни, обросшие лишайниками – можно легко подвернуть ногу и тогда нам придётся нести вас на себе. Сами понимаете, никому это не нужно, никто сюда за этим не ехал. Увезите отсюда хорошие впечатления, а не поломанные конечности и испорченный отпуск, – Зураб остановился перед Марком, будто сказанное им предназначалось только этому парню.

– Мы всё поняли, босс. Впереди меня будут идти мои девчонки и смотреть, куда мне ступать. Правда, красотки? – Марк шлёпнул их по задницам.

– Да, Марик! Если что с тобой случится, мы тебя на себе понесём, – жеманно пообещала Татьяна.

Чем-то эта компания не понравилась Вадиму. Они выбивались из общего фона и выглядели лишними. Их уместнее было бы увидеть на берегу Средиземного моря, чем в суровой природе русского Севера. Наверняка так казалось и остальным. Елена нагнулась к уху Виталия и что-то прошептала. Не нужно было уметь читать по губам, чтобы понять, что она высказалась об этой странной троице.

На дороге показалась машина, издали заморгав фарами.

– Так, вот и наши москвичи!

Зураб пошёл встречать последнюю партию туристов.

Подъехал «праворукий» японский минивэн. Из него шумно выбрались четыре человека. Два мужчины, чуть за тридцать и две девушки, около тридцати лет. На них была одета одинаковая форма с логотипом известной фирмы выпускающей туристическую экипировку. Мужчина повыше достал мощный фотоаппарат, остальные трое сразу же приняли эффектные позы и ощерились улыбками. Высокий сделал несколько снимков. Потом троица притянула водителя и сфотографировалась с ним.

– Здравствуйте покорители Севера! – крикнул высокий москвич.

Группа ответила нестройными приветствиями.

– Эти москвичи приехали сделать фотоочет о походе для спонсора. Совместить приятное с полезным, – негромко поведал Зураб. – Так, у вас три пирожка и чай включены в трансфер. Можете перекусить, и сразу отправляемся.

– Спасибо, друг, мы сыты, по дороге перекусили. Всем на борт, с якоря сниматься! – прокричал высокий москвич.

Вадим заподозрил, что в таком непосредственном поведении виноват алкоголь. Высокого москвича звали Юрий, его товарища Виктор, а девушек с ними – Вероника и Софья. Все они были из одной фирмы – крупной торговой сети, занимающейся спортивными товарами и экипировкой. Девушки могли оказаться ещё и спортсменками в прошлом. Вике показалось знакомым лицо Софьи.

Группа зашла на катер. К ним присоединился ещё один инструктор, которого звали Стас. Вещи спустили в трюм, а сами остались любоваться природными пейзажами. Судёнышко затрахтело мотором, корпус задрожал мелкой дрожью. Набирая скорость, катер помчался по реке.

На воде было прохладнее, чем на берегу. Набегающие потоки воздуха заставили Вику трястись от холода. Вадим снял куртку, укрыв ею Вику и себя. Катер плавно взлетал и оседал на мелкой волне. Солнце искрами отражалось в брызгах, разлетающихся от корпуса судна. Затем солнце зашло за тучи и стало ещё прохладнее. Спустя полчаса начался редкий дождь, и стало совсем уныло. Народ по одному стал забираться в трюм.

– А мы пойдём? – спросил Вадим Вику. – Ты не замёрзла?

– Нет, мне хорошо здесь. Давай останемся, пока не ливанёт сильнее?

– Давай, – согласился Вадим.

Под курткой на самом деле было тепло, а близость к Вике – приятна и желанна. От лёгкого волнения в теле Вадим совсем не замечал дождя.

Катер покинул реку и вышел в озеро. Оно носило название Мелкое. Озеро на самом деле было большим, и мелким только в сравнении с Марианской впадиной. Они пролетели мимо острова, на котором было ещё одно, собственное озеро. Дождь прекратился, и снова выглянуло солнце.

На борт поднялся Зураб.

– Так, сейчас стоянка тридцать минут. Пришвартуемся у рыбацкого домика. Там вас ждёт рыбный обед. В трансфер входит одна порция ухи, хлеб и стакан чая. Всё остальное за ваши деньги.

– А пиво там есть? – из-за спины Зураба, наполовину высунувшись из прохода в трюм, показался Марк.

– На алкоголь у нас табу. Вы же подписали правила, – напомнил Зураб.

– О, хорош друган. Если сильно хочется, то немного можно. Я понимаю, что тарифы здесь совсем не как на материке. Я согласен с ними и готов платить.

– Нет, алкоголя не будет, – жёстко ответил Зураб.

Марк что-то пробубнил и снова исчез в трюме.

– Слушай, какого лешего они поехали в этот поход? – спросила Вика.

– Я о том же самом думаю. Он будет тормозить всю группу.

– Если будет сильно мешать, мы его назад вертолётном отправим. За его счёт, разумеется, – ответил Зураб, невольно услышав разговор Вики и Вадима. – Не в первый раз.

На деревянном причале, стоящем на сваях и выдающемся в воду метров на пять, уже стоял человек в непромокаемой рыбацкой накидке. Он умело захватил канат и привязал его к кольшку. Инструктор Стас передал встречающему деревянный помост, чтобы туристы безопасно сошли на берег. Помост ходил под волной и некоторые туристы, особенно девушки, испуганно ступали на зыбкую опору. Зураб страховал их, делая это умело и довольно галантно. Вадиму показалось, что их инструктор большой специалист по общению с противоположным полом.

– Не надо, я сама, – Вика не приняла помощь Зураба, протянула руку Вадиму, успевшему встать на причал, и ловко перескочила к нему по качающейся переправе.

Возле почерневшего от сырости и времени рыбацкого домика стояли в ряд несколько столов. Рядом с ними, в большом казане, стоящем на конической конструкции из камней, похожей на тандыр, варилась уха. Повар гонял её поварёшкой и, судя по усилиям, уха была густой. На столе уже были приготовлены деревянные миски с деревянными ложками.

– Настоящая уха не раскроется ни в какой посуде, кроме деревянной, – громко, чтобы все слышали, произнёс встречавший катер мужчина. – После обеда можете приобрести посуду в качестве сувенира.

Кто-то обрадовался этому, а кто-то счёл это очередным разводом на деньги. Вика схватила Вадима за руку:

– Я куплю. Хочу себе такую ложку и тарелку, – у неё даже глаза засветились.

– Вик, это же развод, – Вадим посчитал своим долгом предупредить подругу.

– Пускай.

Туристы заняли места. Повар проверил готовность блюда и предложил подходить к нему по очереди. Порции получились солидные. Запах от ухи, смешанный с чистотой природного воздуха, был невероятно аппетитным. К ухе подали и горячий хлеб. Несколько буханок вынесли из избушки, как младенцев, завернутых после бани в полотенце. Он был горячий и бесподобно вкусный. Вика жмурилась от удовольствия каждый раз, когда откусывала хлеб или поднимала ложку с ухой.

Зураб и Стас зашли в избушку. Там находился один из местных. Они вышли оттуда, когда трапеза подходила к концу. Вадим сидел к ним ближе всех и слышал обрывки их разговора.

– Там, в Америке, говорят, ураган прошёл. Я по спутниковому смотрел новости, и там сказали, что сильный ураган приближается к западной части континента, – произнёс местный. – А потом этот канал вырубился. И ещё несколько, которые вещают из Америки.

– Да, блин, чёрт те что с погодой творится. Экологию совсем загадили, – поддержал его Стас.

– Да, не говори. Рыбы в озере убавилось за десять лет раз в пять. Приезжают с электродочками, сетями, динамитом глушат. Лодки у многих старые, бензин и масло в воду идут, – сокрушался местный. – Одни мы, как дураки, каждый год лицензию берём.

Зураб посмотрел на небо из-под ладони.

– Кажется, погода наладилась. Это хорошо, сегодня пройдем озеро Ламу и высадимся на реке Омон-Юрях.

Местный тоже глянул в небо.

– Да, развёдрилось, хотя прогноз был другой. Я боялся, что вы проскочите мимо, чтобы успеть за полночь на стоянку. Кто бы эту уху доедал? Нам с Жорой на месяц хватило бы.

– Я и сам боялся. Москвичи эти ещё задержались.

– Кажись, поели туристы, – заметил местный.

Зураб подошёл к завершавшей трапезу группе.

– Так, минуточку внимания! Сейчас мы продолжим путь дальше, и в тех местах связи уже не будет. Так что у вас последний шанс позвонить родным и близким.

Вадим потянулся к телефону, но передумал. Он редко звонил матери, живущей в деревне. Отчасти из-за того, что связь там была отвратительной и нужно было забираться на крышу, чтобы нормально поговорить. Отчасти из-за того, что мать не особо интересовалась его делами. После смерти отца, мать вышла за вдовца с двумя детьми. Они были младше Вадима, и получилось так, что Вадим сразу стал за взрослого, а спустя пару лет и совсем лишним. После девятого класса он уехал в город, да так и осел в нём. Новую семью он никак не мог считать своей. Ездил в деревню только по великим праздникам и каждый раз убеждался, что ему там не особенно рады.

Вика, заметила его жест, но промолчала. Она набрала номер родителей и, сбиваясь от избытка чувств, поведала им о том, как плыла на катере, и какую вкусную уху ела. Вадим со стороны смотрел на неё, и завидовал белой завистью её отношениям с родителями. Ему тоже хотелось делиться своим счастьем с теми, кто мог бы искренне порадоваться за него. Чтобы было так же, как у Вики. Он подумал, что проказник-случай, который вдруг взял на себя ответственность за жизнь Вадима и подсунил ему во сне картинку плато Путорана, на самом деле пытался познакомить его с этой прекрасной девушкой. У Вики точно был рецепт счастья, и Вадиму стоило держаться её, чтобы научиться им пользоваться.

– Ух, вроде всё рассказала, – Вика спрятала телефон. – Там у родителей какие-то непонятки с погодой. Отец в интернете нашёл информацию, что с запада якобы идёт ураган, но говорит, что ссылки тут же перестают работать. А в нашем городе стоит такая духота жуткая и столбик барометра упал, как перед дождём.

– А я кое-что слышал, наш инструктор с тем мужиком тоже о чём-то разговаривал, но говорили про Америку.

– Да и чёрт с ними, с непогодами. Я буду наслаждаться.

Вика втянула воздух через нос, выдохнула ртом и потянулась.

– Э-эх! Ты чего такой кислый? Почему не позвонил?

– Да там, у мамки, связи в деревне никакой нет.

– Понятно. Эсэмэску отправь.

– Хорошо.

Вадим, для очищения совести, решил так и сделать.

«Мама, я уехал на Север, отдохнуть на природе. Приеду, расскажу» – набрал он.

Вадим был уверен, что отчим попрекнёт его тем, что он впустую истратил деньги, которые мог бы отдать им на ремонт крыши или забора. Неожиданно Вадим почувствовал, как свои поступком, потратив деньги на себя, а не на ремонт крыши, который он в принципе не должен был оплачивать, он разорвал нить, связывающую комплексом вины его самого и почти чужую семью.

На лице появилась улыбка.

– Ну, вот, видишь, как полегчало, – Вика притянула Вадима за руку, и ему показалось, что сейчас она поцелует его. Но вместо этого девушка потеряла волосы на его макушке.

– Снимаемся! – крикнул Зураб. – Все на катер! Времени в обрез!

Волнение на озере пропало, даже рябь была едва заметна. Помост почти не шевелился. Народ забрался на катер и расселся вдоль борта. Движок снова затарахтел, и катер, набирая скорость, отправился дальше. С берега долго махали двое мужчин, провожая судёнышко.

– Я думаю, что такой вкусной ухи мне больше не доведётся попробовать, – посетовала Вика.

– Давай, приедем сюда ещё раз? – предложил Вадим.

– Нет, я хочу каждый раз ездить в разные места.

– Куда ты планировала съездить на следующий год?

– В Калининград, или на Камчатку. Ещё не определилась. А ты?

- Не думал.
- Поедешь со мной?
- Если кредит выплачу.
- Куда ты денешься.

Вика повернулась к Вадиму лицом. Её глаза выражали настолько понятное чувство, что Вадиму ничего не оставалось, как потянуться к ней и в первый раз поцеловать её в губы. Поцелуй был похож на нырок катера вниз по волне. На мгновение опора исчезла из-под ног, мир перед глазами закрутился и снова встал на место. А на губах осталось чувство прикосновения.

- Это значит, выступишь? – спросила Вика.
- Теперь придётся.

Катер прошёл озеро Мелкое и вошёл в проток, соединяющий его с другим озером, которое называлось Лама. Проток был широким, и его можно было принять за озеро, если бы не пояснения Стаса. Вдали показались плоские вершины плато Путорана, а когда катер обогнул поворот озера, прямо перед глазами изумлённых туристов показалась гряда коричнево-серых вершин, конусом сходящихся прямо у берега озера. Основания гор утопали в зелени. Все смотрели только на эту красоту созданную природой. Плоские вершины казались искусственными, неестественными. Каким образом природа сравнивала их?

– Изначально это не были вершины, – пояснил Зураб, как будто почувствовал мысль туристов. – Это была высокогорная равнина, но вода разъела её, обточила за миллионы лет. Она спешила сделать её ещё красивее, потому что знала, что сюда придут любоваться такие хорошие люди, как вы.

Зураб шутливо льстил туристам, потому что это входило в его обязанности.

– А ты мастер заливать за деньги! – раздался голос Марка.

Все обернулись на него. Марк был пьян. Его глаза блестели, а щёки стали розовыми, как у молодого поросёнка. Подруги сделали вид, что ничего не слышали.

– Это моя работа, – терпеливо объяснил Зураб. – А вы можете не успеть насладиться природой из-за нарушения условий договора.

– Мы тебе проплатили, а ты терпи и слушай, что говорят люди, вытаскивающие тебя за уши из бедности. Я прав, народ?

Марк вызывал отвращение у всей группы.

– Слушай, дегенерат, закрой варежку, – Виталий всем видом показывал, что готов вступить в драку. Его глаза заблестели точно так же, как у Марка.

– Чего? Ты что, нафталин, молодость вспомнил? Ты кому угрожаешь, артефакт из прошлого?

Марк встал и пошёл навстречу Виталию. Супруга Виталия принялась одёргивать мужа.

– Перестань, не связывайся с ним. Ты же видишь, он пьяный.

Марк шёл направо, по ногам, расталкивая людей в стороны. Виталий встал перед ним. Зураб бросился вперёд, чтобы урегулировать конфликт, но не успел. Марк с ходу размахнулся, пытаясь ударить. Виталий сделал шаг в сторону, пропуская мимо себя распоясавшегося хулигана. Марк по инерции шагнул вперёд, не встретив препятствия и, перевалившись через борт, упал в воду. Его тело на несколько секунд исчезло под водой.

Катер начал тормозить. Девушки Римма и Татьяна пищали и махали руками. Марк показался над водой и тоже замахал руками. Стас развернул катер и пошёл прямо на Марка. Зураб свесился через борт, и когда катер плавно подплыл к барахтающемуся в воде хулигану, поймал его за руку, ловким движением затащив на борт.

– Я... ты, сука... вся ваша фирма... и ты, старпёр, впридачу... вы все попали.

Марка била лихорадка – не столько от холода, сколько от страха и злости.

Зураб спустился в каюту и взял в руки рацию.

– Манюнь, слышишь меня?

– Да. Зураб, что случилось?

– У нас тут опять пьяный неадекват. Устроил драку и свалился за борт.

– Как фамилия его?

– Укоскин. Вызывай вертолёт, надо разрывать с ним договор, иначе к нам вообще никто больше не пойдёт.

– У нас тут пока погода нелётная, летать запретили. Говорят, шторм надвигается. Утром заберём, если прогноз не подтвердится. Где забрать?

– Мы будем ночевать в устье Омон-Юрях.

– Хорошо, приняла. Прошу, Зураб, без рук, иначе нам суд не выиграть.

– Хорошо, Манюнь, до связи.

– До связи.

Девушки прикрыли Марка тряпками от посторонних глаз. Он сам переодевался в сухое и вполголоса бухтел. Юрий сделал несколько снимков этого процесса. Остальные уже потеряли интерес к Марку. Вокруг было столько красоты, что инцидент на катере казался мелкой неприятностью, о которой не хотелось вспоминать.

Вечерело. Закатное солнце окрасилось в кроваво-красные тона.

– К ветру, – заметил Зураб. – Хорошо, что озеро успели проскочить. Да и комаров будет сдувать.

Вадим не стал это комментировать, но ему картина заката показалась зловещей. Вершины плато на фоне красного неба стали совсем чёрными. Вика достала телефон и сделала несколько кадров.

– Такого насыщенного заката я ещё ни разу не видела.

– Я тоже.

Катер покинул гладь озера и вошёл в широкую протоку реки Омон-Юрях. Проплыл вдоль зелёных берегов метров триста и пристал к берегу.

– Разгружаемся! – прокричал Зураб.

Вадим спустился в трюм, вытащил свой и Викин рюкзаки. На берег они ступили одними из первых, помогая спуститься остальным, у кого вещей было больше, чем один рюкзак. Марк демонстративно показывал свою независимость, общаясь только со своими девушками.

Несмотря на вечер, погода была непривычно тихой и душной. Вадим заметил, что у него закладывает уши, как от полёта на самолёте или от резкого спуска или подъёма на автомобиле.

– У меня уши закладывает, – признался Вадим.

– У меня тоже.

Их разговор слышали парни из Уфы.

– Да, у меня тоже закладывает, – ответил Рустам.

Зураб напряжённо смотрел в небо. Не выдержал, и снова спустился в трюм.

– Манюнь, ты там?

– Да, что опять?

– Как там с погодой? У нас тут духота, я ещё ни разу с таким здесь не встречался. Очень странно.

– Я тебе больше скажу, у нас духота пропала, но сейчас весь западный горизонт стал чёрным. Идёт жуткая гроза, мне отсюда из диспетчерской всё видно. Сотовая связь кое-где пропала и телек ничего не показывает. Выглядит страшно, пойду спущусь вниз, от греха подальше. Ты это, Зураб, палатки на берегу не ставь, а то смочит нахрен туристов, а нас всех в тюрьму за халатность. Ставьте выше.

– Понял, Манюнь, прорвёмся.

Зураб выбрался из катера и подошёл к группе, поправляющей снаряжение.

– Друзья, ночевать среди этой живописной растительности нам сегодня не придётся. В действие вводится план «Б», на случай грозы. Ночевать будем под защитой естественного ска-

листога карниза, который находится отсюда в полтора километрах. Отличный повод размять затёкшие после поездки ноги. Грузимся, проверяем друг друга и вперёд за мной. Стас замыкает.

Несмотря на то, что расстояние до карниза было небольшим, дорога оказалась сложной. У самого берега всё было усеяно поваленным старым лесом, покрытым слоем мха. Непонятно было, куда ставить ноги, они проваливались и скользили. К тому же появились облака гнуса, атакующие людей. Отпугивающая мазь помогала минут пять, а затем принюхавшиеся насекомые начинали снова лезть в глаза, рот, нос и уши.

Дохнуло ветерком, и сразу стало легче. Зураб замер, пытаясь что-то разглядеть в небе. В начинающемся сумраке его лицо показалось Вадиму обеспокоенным.

– Будет сильный дождь? – спросил он у Зураба.

– Земля дрожит. Не чувствуешь? – вопросом на вопрос ответил инструктор.

– Нет.

Зураб опустился на колени и приложил ухо к осклизлой от мха земле.

– Не время сейчас молиться, друг, – едко пошутил Марк.

Зураб поднял палец, показывая, что ему нужна тишина. Ещё несколько секунд прислушивался, а потом встал и снова посмотрел в небо. Лицо его оставалось тревожным.

– Надо прибавить шаг. Не отставайте.

Ветер неожиданно ударил порывом. Лес зашумел и заволновался.

– Сейчас вдарит ливень, – громко предупредил всех Виталий.

Вадим поднял глаза на гору, к которой они шли, и увидел, как с её поверхности, клубясь завихрениями, гонит пыль. Посмотрел в сторону – и увидел чёткую чёрную границу между темнеющим небом и приближающимся грозовым фронтом. Стало не по себе.

– Смотри, Вик, какая гроза, – Вадим показал ей пальцем в сторону черноты.

– Мамочки! Мне так страшно, что даже весело.

– Шире шаг! – прикрикнул Зураб.

Группа подчинилась. Лес и скользкий мох остались позади. Под ногами загремели камнями осыпи. Скалистый карниз нависал над головами. А выше него, там, где воздух был ещё достаточно светел, начиналось что-то невообразимое. С вершины горы тёмным пыльным языком дразнился усиливающийся ветер. За спинами туристов, на открытом пространстве устья реки ветер гнул лес. Воды озера покрыли частые белые барашки, стремительно несущиеся по поверхности.

– Быстрее! Быстрее! Прибавляем шаг! – кричал Зураб.

– Ох, ох! – запричитала Елена, схватившись за сердце.

– Что случилось, Леночка? – обнял её Виталий.

– Сердце жмёт, достань аптечку.

Виталий скинул рюкзак, трясущимися руками раскрыл его и, выбрасывая всё мешающее на землю, принялся искать аптечку.

– Говорил же, сверху надо было положить.

Подошёл Стас.

– Что у вас случилось?

– Аптечку ищу, у Леночки сердце.

– Не суетитесь, у меня всё приготовлено. В следующий раз просто обращайтесь к инструкторам. Это входит в нашу обязанность.

Стас быстро нашёл валидол и протянул Елене.

– Спасибо, – еле слышно прошептала женщина.

– Спасибо, – поблагодарил Стаса её муж. – У нас хорошая физическая форма, даже не пойму, почему с ней так получилось.

– Ничего, бывает, – успокоил его Стас. – Идите, мы вас догоним.

А ветер тем временем усиливался. Стало слышно, как он гудит вверху, точно мощная реактивная турбина. Тёмный язык стал длиннее, вниз полетели камешки, трава и ветки.

– Ого, а это уже серьёзно, – удивился Вадим, когда ему на голову упала ветка. Он осмотрел её. – Будто обчистили ножиком. Смотри, – протянул он ветку Вике.

– Ничего себе. Не, она такой уже была, скорее всего.

Однако Вадим решил прибавить шаг. Ему вдруг стало страшно, суеверным страхом, как древнему человеку во время затмения. Он дёрнул Вику за руку, заставляя её поторопиться.

Долина реки Омон-Юрях стремительно темнела, будто её заволокло тёмным туманом. Последние лучи заходящего солнца едва касались верхней кромки тёмного тумана, и было понятно, что туман на самом деле является пылью, непонятно откуда взявшейся в этих местах.

– Похоже на самум! Мои родители в Эмиратах попадали в такую бурю из песка.

– А тут ей откуда взяться-то? Здесь песков на тысячи километров в округе нет, – ответил Вадим.

– Эй, босс! – раздался голос Марка, обращавшегося к Зурабу. – Ты знал, что такая хрень может случиться?

– Нет! – сухо ответил Зураб.

– Так ты ещё и некомпетентен. Ищите себе хороших адвокатов, я научу вас правильно обращаться с теми, кто вам платит.

Зураб ничего не ответил, развернулся и пошёл дальше. У Вадима зачесались кулаки. С каким бы удовольствием он сейчас съездил кулаком по лоснящейся роже Марка. А если бы это сделал Зураб, то даже на суде он не признался бы в том, что это случилось.

– Ай, твою мать! – раздалось сзади.

Группа обернулась на крик. Паренёк из Уфы, Тимур схватился за плечо. Стас, до этого помогавший Елене справиться с сердцем, оставил её и подбежал к Тимуру. Парень крепко прижал пятерню к плечу и стонал.

– Отпусти, я посмотрю! – Стас оттянул руку, блестящую свежей кровью.

– Мне что-то ударило, – сквозь зубы произнёс Тимур.

Стас посветил фонарём на рану. Сквозь дыру в куртке сочилась кровь. Куртку аккуратно сняли и задрали майку. Стас не поверил своим глазам. Из раны торчал камень. Он нашёл бинт и вату, сделал тампон и приложил его к ране. Товарищи Тимура помогли ему одеться. С начала инцидента прошло пара минут, а ветер за это время завыл ещё свирепее. Лес позади группы уже не был виден. Вокруг стояла сплошная чёрная стена и звучал вой, от которого, казалось, вибрируют под ногами камни.

Группа карабкалась вверх, под защиту естественного природного карниза, вымытого потоками реки в более мягкой породе скалы. Ветер вблизи скалы не доставал, но камни, сносимые им, время от времени со щелчками, как пули, врезались в осыпь. Вадим понимал, что вокруг происходит что-то экстраординарное, выходящее за рамки понятий о сильном ветре, урагане или смерче. Он перешёл на бег, утягивая Вику за собой. Любой случайный камень сверху мог убить.

– Скорее! Скорее! Осталось совсем немного! – кричал Зураб, но сквозь вой ветра, его не было слышно.

Елена снова оступилась и упала. Виталий бросился её поднимать, но руки у женщины были как плети. Она была без сознания. Стас подбежал, достал нашатырь и поднёс к носу. Елена вздрогнула, открыла глаза.

– Лена! Леночка! Вставай, здесь опасно! – кричал муж. – Стас, помоги закинуть её мне на плечи.

В тот момент, когда у них почти всё получилось, в голову Виталию ударил камень. Кровь брызнула во все стороны из пробитой головы. Мужчина оступился и упал навзничь, вместе с супругой. Они проползли вниз несколько метров по осыпи и остановились. Стас понял, что

до группы докричаться уже не получится и решил действовать в одиночку. Времени на анализ опасности у него не было. Он даже не мог понять, что голову Виталия камень пробил насквозь.

Елена бессмысленно возила руками по камням, по телу мужа и что-то говорила. Стас попытался её поднять. Женщина поддалась, но схватила руку мужа. В беспамятстве, на подсознании, она не хотела отпускать его. Рядом снова упал большой камень. Грохот удара заложил уши, будто рядом взорвалась граната. Осколки брызнули в стороны и впились в тело. Стас вскрикнул от боли. Ногу обожгло. Он отпустил Елену, и та упала без чувств. Из пробитой груди и живота струйками потекла кровь.

Стас выдернул плоский кусок камня, вонзившийся в ногу. Кровь тут же побежала из раны. Осветил фонарём пострадавшую семейную пару и понял, что им уже не помочь. Оба были мертвы. Рядом снова щёлкнуло, и так же щёлкнуло в голове Стаса. Он понял, что надо бежать вверх изо всех сил, потому что оставаться здесь было равносильно смерти.

Вадим и Вика дышали как загнанные кони, но всё равно не останавливались. Вадим потянул сухожилие на ступне, подвернув ногу на шатком камне, но не обращал внимания на такую мелочь. Суеверный страх, вселяемый в него усиливающимся воем и пробивающимися сквозь этот вой ударами камней о камни, овладел им. Что за сила устроила этот хаос? Как вообще возможно такое?

Но мысли о невероятности творившегося вокруг природного феномена, стояли позади инстинкта самосохранения. Вперёд, только вперёд, за фонарём Зураба, не останавливаясь.

– Я не могу, я не чувствую ног!

Вика готова была остановиться, но Вадим не был готов пожертвовать ею. Он стянул с её спины рюкзак, повесил его себе на одно плечо и снова двинулся вверх, не выпуская руки Вики.

Марк отстал. Его тянул назад тяжёлый рюкзак и нездоровый образ жизни. Он скинул рюкзак и сел на него. Пот бежал по лицу, по спине, грудь ходила ходуном и болела. Его спутницы остановились рядом с ним, но когда рядом ударил камень и его осколки вонзились в ноги, девушки плюнули на Марка и убежали.

– Куда, сучки! Я вам... устрою возвращение! Вы... предали меня, а я этого... не прощаю!

Он кричал с перерывами, сбивая дыхание. Но его никто не слушал, да он и сам не слышал свой голос.

Камни падали совсем рядом. Один упал так близко, что пробил рюкзак, на котором сидел Марк. Это его так напугало, что он бросил всё и побежал вверх.

Парни из Уфы по очереди помогали Тимуру. Тот слабел на глазах. Кровь толчками вытекала из раны. Требовалась нормальная перевязка, чтобы остановить кровь, но останавливаться никто не хотел. То, что они не бросили товарища в тяжёлой ситуации, уже было героизмом.

Москвичи тоже держались вместе. Юрий пытался на ходу делать фотографии. Вспышка его фотоаппарата помогала Стасу находить верное направление. Темнота стусилась до непроглядного состояния. На получившиеся фотографии было страшно смотреть. Это были серые росчерки всего, что несло ветром. Фотографии как будто были сделаны в динамике или с большой выдержкой.

Юрий тормозил товарищей, пытаясь запечатлеть природный феномен, вплоть до тех пор, пока в его дорогой фотоаппарат, прямо в объектив, не ударил камень. «Зеркалку» выбило из рук. Она была на ремешке, поэтому не упала на землю, а со всего маха ударила Юрия в живот. Осколки пробиты куртку и вонзились в тело. Звук удара оглушил так, что Юрий на время потерял ориентацию. Софья была ближе всех. Она схватила товарища за ляжку рюкзака и потянула за собой. Виктор пришёл ей на помощь, взявшись с другой стороны.

Михаил и Пётр, выбравшиеся в этот поход исключительно с целью заняться сезонным туристическим бизнесом, поносили всё и вся, особенно свою деловую идею. Всё начиналось очень хорошо, с красивой презентации, на которой были ландшафты плато Путорана. Инвесторы сразу решили вложиться, прося за свои деньги, только одного. Бизнесмены должны были

прочувствовать сами все прелести будущего бизнеса. Ожидалось, что это будет увлекательная прогулка. На самом же деле они из последних сил переставляли ноги. Одежда была посечена каменными осколками, часть из которых вонзились в тело. Этого Михаил и Пётр точно не планировали. Они даже не знали, что в этих краях бывают такие ветра.

Всё вокруг выло и гремело. Было так темно, будто они провалились под землю. Зураб ступил на твёрдую поверхность и поднял вверх фонарь. Его луч упёрся в каменный свод над головой. Следом за ним прибежали Вадим и Вика. Парень, как только понял, что марафон закончен, упал на пол.

Вадим был счастлив, что им удалось добежать без потерь под защиту карниза. В горле стоял привкус крови, правая нога болела, но это не мешало насладиться кратковременным ощущением счастья. Вика упала рядом и обняла Вадима.

– Спасибо... тебе, – сквозь промежутки в дыхании поблагодарила она.

– Не хотел... своё... бросать, – ответил Вадим.

Вика из последних сил бросила свою руку на плечо Вадиму и прижалась к нему.

Следующими из тьмы появились москвичи. Они тоже бросили рюкзаки и упали без сил. Юрий задрал куртку и осветил фонарём на живот. Кровь уже подсохла, рана была пустяковой. Зураб размахивал фонарём, чтобы идущие в темноте люди имели ориентир.

– Вадим, у тебя есть фонарь? – громко спросил Зураб, нагнувшись к Вадиму и, перекивая вой ветра.

– В рюкзаке.

– Достань, пожалуйста, и посвети, а я пойду, соберу отставших.

– Хорошо!

Вадим полез в рюкзак, достал свой фонарь, специально приобретённый для этого похода. Встал и принялся размахивать им. Зураб растворился во тьме. Свет фонаря упирался в плотную стену пылевой взвеси, поднятой ветром. Щелчки разбивающихся камней становились всё чаще и громче. Вадим представил, что задержись они на берегу всего на десять минут, никто из них не дошёл бы до укрытия.

«Может быть, больше никто и не придёт? – подумал Вадим. – Зря Зураб пошёл собирать отставших. Людей не найдёт, и сам погибнет».

Вадим не переставал размахивать фонарём, особо не надеясь увидеть ещё кого-нибудь из группы. Неожиданно, из тьмы вывалилась группа уфимцев. Вадим осветил на раненого. Лицо Тимура показалось ему очень бледным и блестящим от пота. Софья подошла к ним и попросила уложить раненого. Виктор уже поставил фонарь для освещения палатки, чтобы Софье удобнее было заняться раной.

Под карниз ввалились Михаил и Пётр. Сбросили рюкзаки и упали на землю. Им не хватило сил, чтобы осмотреть собственные раны. Они часто дышали и смотрели в потолок нависающего карниза. Вадим не переставал махать фонарём и даже попытался кричать, но его крик тут же терялся за воем ветра.

Пол под ногами завибрировал. Компания испуганно переглянулась. Софья оторвалась от обработки раны.

Появился гул, перекрывающий вой ветра. Он нарастал и приближался.

«Обвал», – подумал Вадим и представил, как их сейчас похоронит под каменной толщей. Он отступил от края и присел рядом с Викой, продолжая светить фонарём в сторону выхода. Гул и грохот, похожие на усиленный в тысячу раз гром, прошли совсем рядом и резко замолкли.

Вадим помахал в последний раз в сторону выхода, понимая, что оттуда больше ждать некого. Но он был неправ. В темноте задрожал свет и через несколько секунд появился Зураб с двумя рюкзаками, в обществе Татьяны и Риммы. У обеих девушек были посечены ноги. У

Татьяны от крови намок рукав куртки. Обе девушки ревели. Зурабу тоже досталось, он повредил лицо. Кровавая полоса пересекла его скулу и повисла на ней ошметком спёкшейся крови.

Почти сразу за ними показался Стас. Он сильно хромал. Одна штанина была совсем тёмной от крови. Зураб обрадовано обнял товарища и показал ему где присесть, чтобы обработать рану.

Не хватало только Марка и Виталия с Еленой. Стас жестом показал Зурабу нагнуться к уху. По мимике Зураба Вадим понял, что тот сообщил ему плохие новости. Он догадался, что раз Стас остался помогать Виталию и Елене, то он осведомлён об их судьбе лучше всех. В отличие от не вернувшегося Марка, эту парочку было искренне жаль.

Белый свет диодного фонаря тускло освещал убежище. Люди, вдруг ставшие серыми в искусственном свете, прятали испуганные взгляды друг от друга. Чтобы не думать о происходящем вокруг, они пытались себя чем-нибудь занять. Всем, кто получил раны, оказывали помощь. Кроме Зураба и Стаса в этом разбиралась Софья. Она так умело бинтовала раны, что Вадим принял её за врача. У него самого распухла правая ступня. Вадим снял ботинок, и ему показалось, что он не сможет надеть его обратно. Вика пошарила в своём рюкзаке, достав мазь от ушибов и растяжений. Вадиму показалось удивительным, как он сам не догадался взять такую же мазь. Это было бы логично, учитывая здешнюю местность.

Никто не думал, что из их группы выжил кто-то ещё. Из стены, где свет соприкасался с пылью, завихрениями клубившейся у входа в убежище, выполз Марк. Он поднял голову, посмотрев на людей с таким видом, будто это требовало от него огромных усилий. Во взгляде на мгновение появилось спокойствие, и его голова упала прямо на твёрдый камень убежища.

Зураб и Виктор вскочили первыми, затащив Марка внутрь. Выглядел он ужасно. Судя по всему, он полз довольно долго. Его грудь была расцарапана камнями в кровь. Изорванные клочки одежды смешались с кровью и прилипли к телу. На голове и теле было множество ссадин. Из некоторых торчали острые куски камней.

– Везучий, сукин сын! – крикнул Виктор.

– Упёртый! Жизнь любит! – отозвался Зураб.

Тут же подошла Софья и принялась помогать Зурабу. Юрий, видимо имевший патологическое пристрастие к фотографированию, вынул телефон и, протиснувшись между оказывающими Марку помощь, сделал фото.

– Уйди! – строго сказала ему Софья.

Юрий не столько её услышал, сколько понял по выражению лица. Ушёл, сел в уголке, достал разбитый фотоаппарат и принялся рассматривать сделанные им снимки.

Ветер гудел и выл, словно тысячи самолётов враз запустили свои турбины. Стены горы исторгали из себя звук, похожий на гудение трансформаторной будки. Сидя на камне, Вадим отчётливо чувствовал через ткань одежды резонанс каменной породы. Страшно было представить, какая сила заставляла гору вибрировать, будто камертон.

Глава 2

В центре посёлка, основанного командой подводной лодки «Пересвет», американскими подводниками и мексиканскими монашками, находилась Аллея Героев. На больших камнях, установленных по обе стороны дорожки, засыпанной песком и щебнем, были выбиты имена тех, кто вложил в основание посёлка и его развитие много сил. Терёхин Виктор, Татарчук Дмитрий, Горбунов Егор, Оукленд Джейн, Коннелли Джон. Место это для жителей посёлка считалось святыней. Именно оно более всего подходило для того, чтобы поощрять отличившихся или воспитывать провинившихся.

Капраз Борис, глава посёлка, выглядел чересчур хмурым. Выражение лица капитана не предвещало ничего хорошего, ни Прометею, как основному зачинщику, ни его товарищу Ивану. В самый разгар уборки урожая, когда каждый житель посёлка выполнял свою святую обязанность по запасу основного продукта питания – риса на целый год, Прометей и сбитый им с верного пути молодой Иван, исчезли из посёлка.

– Мы хотели верфи найти, – оправдывался Прометей. – Летом вода сходит. Другого времени нет.

– Тебе сколько лет? Ты всё ещё не наигрался в путешественников?

Прометей промолчал. В этот момент он на самом деле почувствовал себя тридцатилетним мальчишкой. У него до сих пор не то что детей, даже жены не было. А его ровесник Пит в этом году стал дедом. Он был тупым, но трудолюбивым, за что капраз часто ставил его в пример Прометею. В то время как душа Прометея стремилась в кубрик подлодки, где висела карта мира, душа Пита тянулась к мотыге, или же под юбку жены.

– Я отработаю свою провинность на другой работе. Хотите, на крабовой или рыбной ферме, хотите, всю зиму простою в карауле на северной границе? Иван тоже согласен.

Иван с готовностью тряхнул кучерявой светловолосой шевелюрой.

– Я вас накажу, и сделаю это так, чтобы другим неповадно было. Я вам обещаю, что дурь из вас выйдет напрочь! Вы, оба, на три месяца приговариваетесь к работам на мыловарне. Любите шататься без дела – теперь на вас вся дохлятина и заготовка дров. Идём к каптри Селене, теперь вы в её распоряжении.

Крайним наказанием в посёлке считалось выселение. А мыловарня – это был этап предшествующий крайнему. Работа на мыловарне не зря считалась наказанием. Мыло варили только из того, что сдохло не своей смертью. Чаще всего на мыло шли морские котики, разбившиеся о скалы во время шторма. Находили их и через несколько дней после смерти, по характерной активности чаек, пирующих на останках.

Вонь на мыловарне стояла необыкновенная. Что заставляло каптри Селену работать на ней из года в год, было загадкой. Работники под её началом часто менялись, а она была верна выбранной профессии. Селена любила экспериментировать с мыльными растворами, добавляя в них растения, ягоды или красители, чтобы придать мылу привлекательные свойства. Кто ни разу не был на мыловарне, восхищались её продукцией, а те, кому довелось окунуться в процесс изготовления мыла, относились к нему к некоторым отвращением. Но как гласил Устав посёлка, придуманный предками, знающими намного больше, чем современные жители, мылом надо было пользоваться ежедневно. По их мнению, грязь была причиной многих болезней.

Вонять начало задолго до приближения к мыловарне. Селена суетилась возле чана с кипящими трупами. Рядом на костре выжигались угли. Она увидела капраза Бориса и поднесла ладонь ко лбу. Борис махнул ей рукой.

Прометей тяжело вздохнул. Он не хотел оказаться привязанным на долгих три месяца к одному месту. Лето – время для исследования материка. Как руководство посёлка этого не

понимало? Погибшая цивилизация могла поделиться с ними своими секретами, отблагодарить какой-нибудь технологией, чтобы сделать жизнь в посёлке проще.

Прометей бредил погибшим миром. Мысль о высоком технологическом развитии этого мира перед катастрофой, наполняла его душу величественным трепетом. Ему хотелось искать следы погибшего мира, прикоснуться к ним и представлять себе, каким он был.

Прометей часто посещал музей в подлодке, только ради того, чтобы посмотреть на карту. Он запоминал её, впитывал всё, что было на ней нанесено. Особенно его интересовал север России. По памяти он воссоздавал из сырой земли трёхмерную модель в определённом масштабе. Делал это Прометей не просто так, ради забавы. Он верил, что обязательно отправится на поиски погибшей цивилизации и, чтобы не потеряться в тумане, ему обязательно надо понимать, где он находится и в какую сторону идти.

Прометей мог похвастаться тем, что уходил на материк дальше всех охотников и спокойно находил дорогу назад. Своё умение ориентироваться он передавал Ивану, единственному человеку, увлечённому прошлым, так же как и он. К поискам верфи, с которой отправилась в своё последнее путешествие подлодка «Пересвет», они готовились целый год. Прометей представлял себе, что конструкция, внутри которой умещалась подводная лодка, должна быть гигантской и невероятно крепкой, чтобы противостоять стихии.

К сожалению, найти ничего не удалось. Всё побережье затянуло болотами, исторгающими тухлый смрад. Потоки воды, кое-где покидающие материк, были относительно чисты, но имели сильное встречное течение, преодолеть которое на лодке было проблематично. Прометей считал, что можно найти дорогу в обход и зайти с тыла, но это отняло бы гораздо больше времени, чем планировали.

Надо ли рассказывать о том, как было обидно Прометею и Ивану возвращаться ни с чем, да ещё и получить такое строгое наказание? Они рассчитывали принести в посёлок добрую весть о тех верфях, о которых говорилось в бумагах «Пересвета». Это обязательно смягчило бы наказание за отсутствие на уборке риса, а может быть, и принесло бы им кое-какую популярность и уважение в глазах общины. Не получилось. И теперь, до самых холодов они были обязаны мешать вываривающийся из трупов жир.

Ивана трудовая повинность расстроила ещё сильнее, чем Прометея. Его старший товарищ был тёртым калачом и привык к тому отношению со стороны жителей, которое он заслуживал. Иван, имеющий популярность среди ровесниц, и зависть мужской половины своих одноклассников за свой непривычно светлый тип, терять свой авторитет не желал. Копна выющихся белых волос, голубые глаза и светлая кожа здорово отличали его от большинства обитателей посёлка. Когда-то похожих на него было много, но то были жители, ещё помнившие мир до катастрофы. Те, кто родились после, в подавляющем большинстве были черноволосы и кареглазы. Из своих ровесников, старше него на пять лет и младше на три, он был единственным светловолосым и светлоглазым. Девчонок это заводило, а Иван пользовался своей нестандартностью без зазрения совести.

Дружба с Прометеем накладывала на его образ ореол загадочности, храбрости и некоторого духа сопротивления устоявшемуся порядку, что так тревожит юные девчачьи души. Но мыловарня могла перечеркнуть напрочь всё, что он успел заслужить. Капраз Борис точно знал, как правильно их наказать.

– А, Прометей, – Селена выпятила вперёд нижнюю губу. – Я так и знала, что ты обязательно попадёшь ко мне.

Прометей хмыкнул.

– Фу, вонища! – заткнул он нос и гундосо произнёс: – Надеюсь, это в последний раз.

– Если не поумнеешь, то не попадёшь, а если дурь из тебя не выйдет, то для тебя ещё осталась ассенизаторская команда. Будешь дерьмо по полям развозить. И это точно будет последнее предупреждение. Потом – только выселение.

– Ладно, я понял, – вздохнул Прометей.

– А тебе, парень, вообще грех жаловаться на такую работу. За твоими волосами нужен уход. Без мыла они быстро сваляются и превратятся в кошму, – Селена потрепала Ивана за шевелюру.

Иван гордо отдернул голову.

– Не бзикуй, зелен ещё, – предупредил его капраз. – Не думай, что авторитет, заработанный твоей прабабкой Джейн не позволит применить к тебе серьёзные меры. Будь она жива, не потерпела бы твоих выходок.

– Она была не против исследований материка, – заносчивым тоном ответил Иван.

– Она была против того, чтобы кто-то глупо рисковал своей жизнью. Помнишь её правило: «В первую очередь мы должны беречь свою жизнь и жизнь каждого жителя посёлка. Нас осталось слишком мало и каждая несвоевременная смерть становится причиной уменьшения генетического разнообразия, ведущего к деградации и стагнации человеческого рода». – Капраз наизусть помнил многие цитаты оставленные предками.

– Моя прабабушка многое говорила такого, что мы сейчас не понимаем.

– Не понимаем потому, что не хотим понимать. Нам проще сесть в лодку и отправиться, куда глаза глядят, не задумываясь о том, что после себя ты ничего ещё не оставил. Вот Пит, например...

Прометей закатил глаза. Он каждый раз делал так, когда упоминали Пита.

– Пит – идиот, и он первый кандидат на деградацию, – вставил Иван.

Капраз Борис хотел ещё что-то сказать, но не нашёл слов.

– Короче, каптри Селена, вручаю тебе этих оболтусов. Если будут плохо работать, дай знать. Переведу в ассенизаторы.

– Хорошо, капраз Борис, но у меня здесь не забалуешь. Будут впахивать, как миленькие. Я готовлю партию детского мыла с более нежными свойствами. Завтра принесу на пробу. Кажется, получается отлично.

– Хорошо, тогда до завтра.

– До завтра.

Капраз ушёл.

Селена дождалась, когда он отойдёт достаточно далеко.

– Парни, я на самом деле не считаю так же, как капраз Борис. Мне даже нравится, что у вас есть идея, которая вас питает, и она благородная и красивая. Но на капразе висит забота о посёлке, и это накладывает определённый отпечаток на его мировоззрение. Будьте любезны, не злите его. Он сдержит слово и вас обязательно отселят.

– Я не боюсь этого, – ответил Прометей. – Меня останавливает только отношение к родителям. Их жалко.

– А я не хочу, чтобы меня отселили. Мне нравится тут, но и ходить на материк нравится. Я бы в охотники пошёл, но они меня не берут. Говорят косо́й слишком, – ответил Иван.

– Выговорились? – Селена обвела парней взглядом. – Теперь за работу. Тебе, Прометей, ковш – будешь варево перемешивать, чтобы жир хорошо отходил. А ты, Иван, поддерживай огонь, чтобы не тух и не разгорался сильно. И так до самого вечера. А я пойду цветов пособираю, да вдоль берега пройду. Может быть, что-нибудь полезное найду.

Как оказалось, вонь – это было не самое плохое. К воню можно привыкнуть. Теперь Прометей знал, почему каптри Селена выглядела, как атлет. Ворочать дохлые туши в чане целыми днями требовало огромных физических усилий. Ладони от деревянной ручки ковша загрибли настолько, что на них можно было класть горячие угли и держать долго, прежде чем жар начал чувствоваться.

Иван менялся сменами с Прометеем, но старший товарищ жалел его, отработывая на ковше в полтора раза больше. Производительность труда выросла, и посёлок получал мыла

больше, чем обычно. Селена не переставала экспериментировать с цветами и травами, чудесным образом придавая продукту из отвратительных ингредиентов пристойный запах и цвет.

Было воскресенье. В этот день не работали почти все. Каптри Селена смилостивилась над наказанными и разрешила им отдохнуть. Иван решил потратить время в обществе ровесников, а Прометей без раздумий отправился на подлодку «Пересвет». Его интересовала карта и записи судового журнала.

Тот самый Пит, которого капраз Борис ставил в пример Прометею, встретился на пути к подлодке.

– Это, здоров! Я слышал, тебя на мыловарню отправили, – спросил он, не скрывая в голосе иронии.

– Да, работать, – ответил Прометей, собираясь пройти мимо.

– Ммм, понятно. Ты всё дуркуешь?

Откровенно хамство заставило Прометея остановиться.

– Слушай, Пит, ты человек небольшого ума, и будет лучше, если ты не станешь этого всем показывать.

– Чего?

Глаза Пита округлились, он сжал кулаки и сделал движение в сторону Прометея.

– Даже не пытайся, я тебя снова побью. Иди домой, проводи свою старость в обществе внуков, как и положено дедам.

Пит побагровел, но ему хватило ума не сорваться. Прометей был сильнее и умел драться, в отличие от увальня Пита. Они разошлись. Случай с Питом открыл Прометею истину, которую не замечал капраз. Селекция глупцов, таких, как Пит, могла серьёзно подорвать перспективы развития посёлка. А его жажда исследований могла помочь посёлку обогатиться знаниями, обнажившимися из-под толщи воды.

В подлодку его пустили без вопросов. Он был завсегдаем её музея, в то время как большинство его ровесников были завсегдаями бара, в котором подавали рисовое пиво.

Иван прочувствовал на себе, как его авторитет резко упал среди ровесников. В той шайке, в которой он привык находиться в свободное время, его приняли холодно. В ней он был негласным лидером, но сейчас он заметил, что все держатся Павла, который при нём ничем лидерским не выделялся.

Отдыха и веселья не получилось. Вторую половину дня Иван провёл с родителями. Отец прочёл ему несколько нравоучений и припомнил их героическую линию, идущую из самого космоса. Иван слушал их, а сам думал о том, как тоскливо бывает, когда тебя не понимают, и пытаются отторгнуть вместо того, чтобы понять.

Положение спасла Анхелика, девчонка-соседка. Она была на два года младше Ивана и, кажется, с недавних пор стала питать к нему чувства. Иван старался не обращать на это внимания. Он был избалован женским вниманием, но в этот раз был по-настоящему рад её видеть.

Сейчас она зашла позвать Ивана на улицу.

– А не рано ли тебе в такое позднее время по улицам шлындать? – услышал вместо приветствия Иван бубнёж отца.

– Мамка сказала, что отпустит меня только с вашим Иваном, – ответила Анхелика, и это было враньём.

Иван вышел из комнаты.

– Привет, Анхелика. Я сейчас выйду.

– Привет! – Глаза девушки заблестели. – Хорошо, я подожду снаружи.

Отец ещё что-то пробубнил, но перечить не стал. В принципе, он поддерживал такие отношения больше, чем неумную тягу сына к путешествиям.

Оказывается, у хитрой Анхелики был коварный план. Она обманула Ивана, сказав ему, что Педро и Алекс украли бадью с рисовым пивом, а сама привела его в пустой амбар, ещё

не заполненный просушенным зерном и начала бесцеремонно приставать. Гормоны ударили Ивану в голову, и ему стоило больших усилий не поддаться на провокацию. Прояви он слабость и у этой истории мог бы быть очень длинный финал.

Анхелика не обиделась. Иван очень тактично объяснил ей, что не готов ещё стать ни мужем, ни отцом, и предложил погулять по окрестностям посёлка.

– Будешь и ты, как Прометей где попало носиться, а годы пройдут мимо.

– Не твоя забота, что и как у меня будет. Мне интересно бродить по материке. Ты же там не была, поэтому тебе и неинтересно.

– А расскажи мне, Иван, как там?

Впереди было много времени, и чтобы занять его, Иван решил рассказать хитрой соседке всё, что видел на материке.

– Ну, на материке нет такого прозрачного воздуха, как у нас на острове. Там везде туман. Он бывает плотный или же прозрачный, но он есть всегда. Солнца никогда не видно. Охотники не заходят вглубь материка, потому что боятся потеряться. Только компас помогает найти дорогу. Но Прометей как-то находит её и без компаса. Вместо нормальной твёрдой земли почти везде колышущаяся поверхность из водорослей. Нogu они не держат, но вот в широкоступах из лягушачьей кожи ходить можно спокойно. Вначале это непривычно, потому что всё вокруг волнуется и колышется. Там, где слой водорослей истончается, находится или болото, или река. Болото – это плохо. Оно выделяет газ, и если надышаться им, то можно потерять сознание и умереть. А ещё можно провалиться в него, и оно затянет. Болота надо обходить стороной.

– А если река? – Анхелика слушала с разинутым ртом.

– Если река, то широкоступы не помогут. Туда без лодки лучше не соваться, и близко к краю не подходить. Прометей рассказывал, что его однажды кто-то из-под воды пытался схватить за ногу. Он говорит, что видел огромную пасть с мелкими зубами, схватившую за край его широкоступ. Так он вернулся потом на одном широкоступе.

– А тебя никто не хватал за ногу?

– Меня – нет. Прометей дорогу хорошо чувствует, поэтому старается обходить опасные места. Вот лягушки однажды напали на нас. Еле ноги унесли.

– Да ты что, расскажи! – Анхелика засучила ногами в нетерпении.

– Да что там рассказывать. Мы легли спать прямо на водорослях, рядом никакой земли не оказалось. Я обещал Прометею караулить, а сам заснул. Знаешь, там из-за вечного тумана всё время в сон клонит. Почувствовал я только, как подо мной всё колышется. Со сна даже приятно было, как в кроватке укачивало. А когда проснулся, чуть не закричал. Вокруг нас было штук десять здоровых жаб. Они пучили на нас свои глазищи и пускали слюни. Только представь, мы, как внутри хорОВОДА из лягушек были. Прометей, конечно же, не спал, он проснулся раньше меня. Мы молчим, и жабы молчат, смотрим друг на друга. У Прометея нож длинный был, а у меня слегка, на случай если провалюсь, но расклад всё равно был не на нашей стороне. И скорее всего, нас бы уже в живых не было.

– А что же случилось? – Анхелика смотрела на Ивана во все глаза.

– Сова. Представляешь? Она бесшумно упала сверху, схватила одну лягушку за голову своими когтищами и так же молча исчезла. Лягушки вразбег, а мы с Прометеем ещё долго сидели на одном месте и не могли придти в себя.

– Как интересно. А потом вы сталкивались с лягушками?

– Постоянно. Им главное – не дать себя окружить. И если срубить парочку атакующих, они уже не прут так настойчиво.

– А совы?

– Вот совы – это проблема. Они принимают людей за добычу и атакуют. У Прометея вся спина в шрамах от их когтей.

– А у тебя?

– У меня ещё нет. Бог миловал.

– Мне кажется, шрамы идут мужчинам. С ними они выглядят героически.

– Успею ещё, какие мои годы.

– А после вашего наказания вы снова пойдёте на материк?

– Зимой нет, не пойдём. Прометей говорит, что зимой можно в град попасть, или просто замёрзнуть. В тумане холод ощущается гораздо сильнее. Одежда промокает и согреться нельзя.

– А если развести огонь?

– Там всё и всегда мокрое, и не горит. Кроме...

Иван неожиданно замолчал.

– Эй, договаривай! Я не отстану. – Анхелика поднялась и встала между коленками Ивана. – Ну?

– Анхелика, тебе-то это зачем? Это наш секрет с Прометеем.

– Не поделишься, я всем расскажу, что у вас секрет и каприз Борис заставит вас раскрыть его. Или...

– Ну, ты даёшь, Анхелика. Уже второй раз сегодня пытаешься меня на слабó проверить. Я бы никогда про тебя такое не подумал. Ты же как все девчонки была?

– Ой, ты просто меня не замечал. Я всегда была любопытная. Ну же, колись.

– Вот зараза. Прометей убьёт меня, если узнает, что я проболтался. Ты ведь никому не скажешь?

– Нет, клянусь экипажем подлодки.

– Хорошо. Короче, мы нашли остров. На материке это верхушки утонувших скал. Тот остров был с пещерой. А в ней всякие механизмы и вещи. Всё было в таком состоянии, что рассыпалось от прикосновения, кроме красной бочки из пластика. А в той бочке находилась вонючая жидкость, едкая такая на запах. Прометей сказал, что моторы механизмов работали на этой жидкости. Там же мы нашли спички, штук десять, в жиру, чтобы не намокли. Им тоже ничего не сделалось. Прометей, он ведь головастый, в подлодке сидит каждый раз, как случай представляется, всё про ту жизнь знает. Он сообразил, что это спички, и они нужны, чтобы поджигать. Мы подожгли вонючую жидкость, и она горела так жарко. Коптила, трещала, но горела. Прометей сказал, что хочет сделать такую штуку, чтобы заливать в неё вонючую жидкость и на ней готовить, прям там, на материке.

Иван замолчал.

– Не проболтаешься?

– Нет, я же поклялась.

– Ну, ты же девчонка.

– Девчонка, но не такая, как все. Можешь мне доверять.

Анхелика прижалась к Ивану и подставила губы для поцелуя. Парень не растерялся и скрепил клятву поцелуем. Ему подумалось, что пока девушка питает к нему чувства, их секрет будет сохранён.

В понедельник на мыловарню Иван пришёл раньше Прометей. Каптри Селена уже была там и разводила огонь под чаном.

– Так, соня Иван. Вчера на берегу с лодки видели тушу тюленя, прямо возле Белого камня. Бери тележку и дуй туда. Если по дороге попадутся цветы, сорви их.

– Хорошо, каптри.

Иван взял скрипучую тележку на железных колёсах.

– Можно жира взять, ось смазать? Скрипит на всю округу.

– Бери. Боишься, девки тебя услышат?

– Ничего я не боюсь.

Иван смазал ось, погонял её взад-вперёд, чтобы разошёлся жир. Проверил на ходу результат, остался доволен и покатил её в сторону Белого камня. По дороге останавливался рядом с

любим цветущим растением, нюхал его цветы, и если запах казался ему подходящим, срывал и складывал их на дно тележки.

Иван слышал от стариков рассказы, что до катастрофы и много лет после неё природа на острове была другой. Цветов почти не было. Они появлялись в самый короткий и тёплый период лета и быстро отцветали. А в остальное время, когда не лежал снег, вся зелень состояла из низкорослой, плотной травы и мхов, ковром покрывающих землю.

Сейчас такое трудно было представить. Трава местами доходила до пояса, всё лето цвела, разнося аромат цветения даже в море. С берега наступали леса. Старшие говорили, что это прибывает течениями семена деревьев, сброшенные ещё до катастрофы. За свои семнадцать лет Иван успел заметить, как в некоторых местах деревья сильно продвинулись вглубь острова. Капраз как-то обмолвился о том, что собирается культивировать их, с целью получения дров и материала для строительства.

У Белого камня и в самом деле было полно чаек. Ивану хотелось, чтобы они склевали тюленя полностью. Ему противно было брать в руки дохлое вонючее тело. А так можно было оправдаться перед каптри.

Чайки взлетели одновременно, как белое облако, когда Иван приблизился к ним. Развороченная туша тюленя, с кишками, растянутыми на несколько метров, без глаз и почти без морды, ждала своей участи быть принесённой в жертву благородному делу. Иван набрал воздух, чтобы не дышать, подкатил тележку вплотную к туше, опустил её и приставил к тюленю. Попробовал затолкнуть ногой, но туша колебалась, и не хотела сдвигаться с места. Ничего не оставалось делать, как затолкнуть её руками. Хорошо, до воды было близко.

Пальцы проткнули дряблую мёртвую плоть. Ивана чуть не вырвало от этого ощущения. Из последних сил, рывком ему удалось забросить тушу в тележку. Иван выдохнул и побежал к воде, ловя носом приятный запах солёной воды. Пока он отмывал руки, не желающие расставаться с запахом дохлятины, чайки расселись по краю тележки и продолжили пиршество. Иван отогнал их и покатыл телегу обратно.

Прометей пришёл и уже ворочал ковшом.

– Что, не обманули? – спросила Селена.

– Нет, лежал, загорал, кишками наружу.

– Цветов нарвал?

– Да, там, на дне лежат.

– Надо было их сверху положить, Иван! – заругалась Селена. – Я же из них экстракт отдельно добываю, а теперь они пропахли дохлятиной.

– Прости, я не сообразил.

– Чёрт с вами. Бросайте его в чан, а я пойду сама собирать. Нет в вас азарта, мужики.

– Нету, – согласился Прометей.

Каптри Селена взяла мешочек, нож, и ушла собирать цветы. Иван, по свету, исходящему из глаз Прометея, понял, что тому не терпится чем-то с ним поделиться.

Как только Селена ушла, Прометей бросил ковш.

– Слушай, я всё воскресенье был на подлодке... – начал он.

– Я в курсе.

– Не перебивай. В общем, мне разрешили почитать судовой журнал. Я начал читать его с того самого дня, как лодка вышла в море, в свой последний поход. И знаешь, что я там нашёл?

– Что? – Иван не имел ни малейшего представления.

– Там есть запись, такая, не уставная, не относящаяся к службе, оставленная капдва Терёхиным.

– Самим Терёхиным?

– Да, им самим. Он написал, что его дочь пошла в турпоход на плато Путорана, и он гордится её смелостью.

Глаза Прометей бегали. Он ждал, когда Иван проникнется тем, что он ему рассказал.

– И что? Я не знаю, что такое плато Путорана.

– Ах ты, балбес малолетний. Плато – это тоже горы, но с плоскими вершинами, понимаешь? Дочь Терёхина, накануне катастрофы – я по датам сверил, – была в горах, точно так же, как основатели Горбуновы.

Иван знал историю каждого основателя их посёлка, и Горбуновы были на особом счету, потому как десять лет прожили в пещере одни.

– Думаешь, она выжила?

– А почему бы и нет? Может быть, не она, но их там было много, шансы были. С подветренной стороны горы можно было легко спастись.

– Сколько туда идти?

– Это далеко, Иван. Я смерил линейкой. По прямой – две с половиной тысячи километров. Как минимум, всё лето в одну сторону, а на самом деле может получиться в два раза больше.

– Ты же знаешь, нас не ждёт ничего хорошего, когда мы вернёмся.

– Если вернёмся ни с чем – да. Возможно, нас отселят. Но с другой стороны, мы знаем, как не умереть с голоду, как сшить одежду, как пережить зиму.

– Как сварить мыло, – добавил Иван.

– Точно.

– Как-то не хочется, Прометей, всю жизнь прожить одному.

– Да? А я думал Иван, что ты меня поддержишь.

– Я поддерживаю тебя, и если ты задумаешь отправиться туда, то я помогу тебе подготовиться, но отправляться с тобой я ещё не решил. Мне тут Анхелика глазки строит. Она повзрослела, и я теперь вижу, какой красивой она становится.

– Понятно. Баба стрельнула глазками, ты и размяк. Ладно, пойду один. До апреля подготавлиюсь как следует, и пойду.

– Но ты же до зимы не вернёшься? Ты же говорил, что на материке зимой град идёт с кулак, и холод собачий?

– Я что-нибудь придумаю.

– А готовить ты как собираешься? На той вонючей жидкости? У тебя спичек всего девять штук осталось.

– Придумаю, не беспокойся. Есть у меня всякие идеи, но тебе не расскажу, потому что ты не со мной.

– О, брось обижаться, Прометей. Ты как пацан. Мне нравится ходить на материк, и вообще путешествовать, но мы как будто играем в игру, от которой нет пользы, как будто тешим себя развлечениями, забывая, что на нас лежит ответственность за развитие посёлка.

Прометей налился пунцом.

– Пользы нет? – зловеще-тихо произнёс он. – Нет пользы от наших путешествий? Да они тут сами в себе закупорены, киснут, как ягоды для уксуса в бутылке. Мы же глупеем на глазах, разве ты не замечаешь? Патронов у нас осталось несколько десятков штук, а дальше что? Медведей вилами гонять? Как их делать, никто не знает, и не хочет знать. Вот, затянули одну песню – «Рис превыше всего». Так мы скоро поклоняться ему начнём, молитвы возносить и прочие глупости делать. Ты же помнишь ветряную мельницу, которая давала ток. Наши деды ещё знали, как её отремонтировать, а когда она сломалась, всё, починить некому. Смазывают подшипники, чтобы крутилась, и делают вид, что это и есть её предназначение – крутиться на ветру. А наши дети вообще будут думать, что это нерукотворное творение каких-то там Основателей.

Глаза Прометей горели, губы тряслись от волнения, лицо было совсем красным. Иван даже испугался его в таком состоянии. Он выглядел безумным, как олень, вырвавшийся из медвежьих лап.

– Я понял тебя, Прометей, я не против того, чтобы исследовать и находить что-то полезное, оставшееся от наших умных предков. Я поддерживаю тебя полностью, я на твоей стороне.

– Чего тогда ерепенишься?

– Я думаю о том, что могу потерять время. Мы просто должны создавать семьи и рожать детей. Нам это завещали, и те люди, относящие себя к учёным, как моя прабабка Джейн, знали, что залог нашего развития в скором восстановлении численности. Иначе мы выйдем.

– Понятно. Я вижу, лавры Пита не дают тебе спокойно спать. Счастья вам с Анхеликой, и детей побольше.

– Да при чём здесь Анхелика? Я в общем сказал. Я помогу тебе подготовиться, но не пойду. Это далеко и опасно, и если мы с тобой погибнем, то род, который шёл бы от тебя и от меня, и который через сотни лет превратился бы в народ, никогда не появится.

– Это твоё окончательное слово?

Прометей так ухватился за ковш, что Иван подумал, будто товарищ собирается его им огреть, если он ответит отрицательно.

– Да. Я могу проводить тебя до материка, и всё.

– Спасибо, не надо.

Прометей заиграл желваками и принялся неистово гонять несчастную тушу тюленя по чану. Иван подкинул дров и стал следить за тем, чтобы они не разгорелись сильнее нужного.

С этого момента их нерушимая дружба дала трещину. Прометей молчал, разговаривал с Иваном только на отвлечённые темы, не касающиеся путешествия на далёкое плато. Настойчивая Анхелика не давала скучать, и через какое-то время Иван понял, что желает видеть её регулярно. Как только девушка заметила, что отношение к ней со стороны Ивана поменялось, она тоже изменила отношение к Ивану. Она позволяла себе забавляться им, дразнить, и вообще вела себя немного дерзко. Иногда это злило Ивана, но чаще вызывало желание обладать ею. За этими отношениями Иван совсем забыл про Прометей.

Наступила зима. Она снова оказалась теплее, чем прошлая. Несколько раз пытался выпасть снег, но тёплые потоки воздуха с материка, приносящие непроглядные туманы, не оставляли ему шансов. Олени, нагуливающие жир на зиму, так и не растратили его. Обманутая природой трава вновь взошла под самую зиму. Остров зеленел повсюду. Белые медведи настолько обнаглели, что несколько раз являлись в посёлок. Каждый их визит становился настоящим чрезвычайным происшествием.

Капраз берёт патроны для особого случая, но в то же время помнил о своей главной обязанности – беречь людей. Поэтому все ждали, когда медведи уйдут сами. Иван понял, что слова Прометей, сказанные как будто в запальчивости, имели смысл. Глупая проблема с медведями на самом деле не имела решения теми методами, которые стали основой жизни посёлка. Хуже того, медведи, почувствовавшие безнаказанность, могли привести к гибели людей.

После того, как отбывание наказания на мыловарне закончилось, Прометей отправился с охотниками на материк, а Иван пошёл работать на рыбные фермы. По возрасту ему ещё не разрешалось заниматься опасным промыслом. Да и после того, как у него появилась зазноба, интерес к матерiku у парня угас. Иван отработывал смену и спешил домой, переодеться, отбиться от рыбного запаха, стремясь поскорее увидеться с Анхеликой. К тому времени их отношения стали совсем взрослыми. Родители втайне планировали свадьбу и уже договаривались о деталях. Семейства Ивана и Анхелики не пересекались в прошлом, и это обстоятельство со стороны поселкового руководства, следящего за смешениями, наилучшим образом подходило для брака.

Даже весна в этом году началась так, будто между временами года не было никакой границы. В конце февраля зачастил дождь, мелкий и обложной, без единого просвета. Моховая подстилка под травами набралась водой как губка, затрудняя всякие передвижения вне дорог. Оленьи полутуши, вялящиеся на ветру, оказались в серьёзной опасности безнадёжно пропасть под дождём. Капраз Борис распорядился построить для них навес всем посёлком. В дело пошли все вещи, которые было не жалко. Их пропитывали жиром, чтобы не промокали и пускали на «крышу».

Ивана в нерабочее время тоже привлекли к постройке навесов. Анхелика тоже работала там, вместе со своей матерью. Иван держался их, но виду не подавал. Он стеснялся её матери. Капдва Семён, ответственный в посёлке за внутренний порядок, раз за разом привозил на телеге, запряжённой парой оленей, новые куски пропитанного материала.

– Осторожнее там. Последнее выгребаем, – предупредил он.

Он говорил это каждый раз. Народ подтрунивал над его предупреждениями, не считая их серьёзными. Работа кипела, всё шло хорошо, до того момента, пока истеричный женский голос не выкрикнул:

– Медведи! Медведи!

Народ заволновался, зашумел. С северной стороны приближались три белых пятна, хорошо различимых на зелёном фоне. Ситуация была опасной. Охрана посёлка, имевшая огнестрельное оружие, дежурила далеко на севере. У капраза Бориса был автомат, но никто не знал, имелись ли к нему патроны. Народ начал разбегаться. Иван тоже побежал, но в сторону Анхелики.

– Побежали ко мне, – позвал её Иван.

– Нет!

– Ты что, дура? Они же разорвут тебя!

– Нет, не разорвут.

Иван не стал пререкаться с Анхеликой, крепко схватив девушку за руку и потащил за собой. Её мать, увидевшая, как настырная дочь пытается сопротивляться, подбежала и отвесила Анхелике крепкую оплеуху. Но воспитательный эффект получился обратный. Анхелика вырвалась из рук Ивана и со всех ног побежала в сторону «вяленки».

– Вот дура! – в сердцах выкрикнула мать.

Иван был солидарен с ней, но всё равно бросился догонять. Медведи, тем временем, были уже в сотне метров от них. Их морды маятниками появлялись и исчезали над травой. Зверей манил запах мяса. Капдва Семён, как раз подвозил новую партию пропитанной ткани. Он успел понять, что происходит, и какая опасность грозит своенравной молодухе, решившей поиграть в гордость. Капдва знал, что зверь всегда выберет в первую очередь свежее мясо. Шансов выжить у девчонки и парня не было никаких.

На дне его телеги лежал багор, которым он помогал таскать брёвна из воды. Капдва достал его из-под толстого слоя тяжёлой ткани и направил оленей наперерез сближающимся медведям и подросткам. Медведей остановило решительное действие капдва. Они поднялись на задние лапы и заводили носами.

– Пошли вон! Проткну нахрен! А ты дура, беги назад, не то и тебе достанется! – Семён развернулся в сторону бегущей Анхелики и догоняющего её Ивана. – А ты снова на мыловарню собрался?

Иван, тем временем, догнал Анхелику и свалил её с ног. Обиженная девчонка забрыкалась, завизжала. Медведи, впитавшие с молоком матери науку, что опасными могут быть только люди с громыхающими палками, осмелели и неторопливо направились к телеге капдва.

– Тащи её отсюда! Я задержу их, – выкрикнул капдва.

Иван рывком поставил Анхелику на ноги, в запальчивости дал подзатыльник и, не дожидаясь реакции, потянул её назад.

Олени, испуганные медведями, понесли телегу с капдва. Тот не удержался на ногах и упал на землю. Медведи сразу же выбрали его в качестве жертвы. Всё произошло быстро. Капдва попытался ткнуть багром в хищника, но тот ловко парировал, и сам нанёс удар когтистой лапой. Капдва Семён упал, а атакующий его медведь молниеносно перекусил ему шею.

Два других медведя бросились на жертву и принялись раздирать её на части. Иван с Анхеликой отбежали на безопасное расстояние, обернулись и увидели тот ужас, который мог бы случиться и с ними. Звери подбрасывали в зубах куски тела капдва Семёна. Мать подошла к Анхелике и дала ещё одну затрещину. Потом обняла и разревелась.

Воздух сотряс звук выстрела. Капраз Борис стоял с автоматом наперевес. Один из медведей рывкнул и упал. Два других тут же пустились наутёк тем же маршрутом, что и пришли. Раненый медведь всё же встал на лапы и, сильно хромя, побежал за ними следом.

Убийство медведями человека испугало посёлок. До сего момента все были уверены в том, что у них есть какая-то сила, которая отпугнёт агрессивных хищников. На самом же деле это оказалось обычным самоуспокоением. Ничего стоящего, кроме нескольких патронов, у них не было. Никакого навыка и орудий для охоты или отпугивания медведей в посёлке не было. Это событие лишний раз убедило Ивана в актуальности слов Прометей. Он мыслил нестандартно, поэтому как-то не приходился ко двору, но мыслить стандартно в их ситуации означало не иметь возможности предугадывать опасности.

Жители посёлка в смерти капдва Семёна винили строптивую Анхелику. Капраз Борис не говорил этого вслух. Он правильно указал на то, что они были не готовы к опасности, которая рано или поздно просто обязана была случиться, но ещё раз напомнил, что дисциплина является залогом безопасности.

Иван тоже попал под горячую руку. Авторитет его среди сверстников стал ещё ниже, да он уже давно им и не интересовался. Ему снова стали близки идеи Прометей, и он начал искать к нему подход.

Для начала он проследил, чем тот занимается. Прометей, по возвращении с материка, в свободное время уходил к морю. Однажды он утянул кусок пропитанной ткани с той самой злосчастной «вяленки». Иван пошёл по его следам и вышел к бухточке. Там, на берегу, стоял плот, квадратный, с размером сторон примерно три метра на пять. Прометей не оставил идею отправиться в далёкое путешествие. О том, что путешествие будет дальним, ясно говорил парус из промасленной ткани.

Прометей, как всегда, не интересовался мнением поселкового руководства. Впереди была посевная, а он, видимо, снова хотел её проигнорировать. Мыловарня не выбила из него тягу к путешествиям. Наблюдая за тем, как Прометей прилаживает ткань, к вертикальной палке, изображающей парус, Иван решил обнаружить себя.

– Здорово! – Иван тихо приблизился к ничего не замечающему товарищу.

Прометей вздрогнул.

– А, это ты. Чего надо? – спросил он холодно. – Шпион.

– Просто, хотел посмотреть, чем занимаешься.

– Посмотрел? Можешь идти.

– Слушай, Прометей, прости меня. Я же не против того чем ты тут занимаешься. Могут же мои планы не совпадать с твоими?

– Могут, Иван.

– Прометей, я тут подумал... Ты прав. Мы как-то успокоились, стали слишком самонадеянными. Твои слова про то, что жизнь у нас остановилась в развитии, подтвердил своей жизнью капдва Семён.

– И что ты теперь собираешься делать?

– Я хочу понять, как путешествие на далёкое плато, сможет нам помочь против медведей. Я хочу увидеть связь.

– Ну, прямой связи нет. Проще сделать метательное оружие против медведей, чем быть уверенным в том, что путешествие научит нас, как с ними бороться. Путешествие на плато Пудорана для меня – это расширение горизонтов. Если там есть люди, то они могли пойти по другому пути развития, и их опыт мог бы пригодиться нам, как и наш – им. К тому же, как учила твоя прабабка Джейн, генетическое разнообразие просто необходимо для воссоздания человечества. И ещё неизвестно, что мы найдём по пути.

– Я пойду с тобой. Я понял, что идти вперёд мне будет интереснее, чем заниматься здесь одним и тем же изо дня в день.

Иван протянул руку Прометею, но тот не торопился её принять.

– Я сомневаюсь в тебе. Не уверен, что такой напарник мне пригодится, – неожиданно ответил Прометей.

– Хорошо сердиться на меня. Вдвоём всегда лучше и веселее.

– Я подумаю. Иди пока, и не говори о том, что видел мой плот.

– Ты что, я никогда... я никому не расскажу. Клянусь экипажем подлодки! – загорелись глаза у Ивана.

– И даже своей Анхелике?

– Ей? Ни за что! Ей вообще ничего рассказывать нельзя.

– Хорошо, проверим.

– Когда отходишь?

– Не скажу.

– Эй, Прометей, ты хочешь уйти без меня?

– Иван, иди, иначе я передумаю.

Иван ничего не ответил. В его глазах светилась уверенность, что Прометей хочет обмануть и отправиться один.

– Поклянись? – попросил он.

– Клянусь экипажем подлодки, что возьму тебя с собой.

– Хорошо.

Иван забрался по камням вверх и побежал в посёлок. Клятва предками с детства считалась самой священной. Обмануть их память считалось кощунством.

Приготовления к свадьбе были испорчены убийством капдва Семёна. Родители Анхелики стеснялись навязывать свою дочь, потому что теперь это именно так и выглядело. Пятно легло на репутацию семьи, и чтобы смыть его требовалось время. Родители Ивана, углядевшие в поступке будущей невестки нехорошие черты характера, принялись отговаривать сына разорвать отношения с ней.

Иван заметался. Он и сам понял, что строптивость Анхелики произошла не от большого ума, и что девочка заигралась, но сердце ещё тянулось к её карим насмешливым глазам.

Анхелика после смерти капдва Семёна изменилась. Внешний негативный пресс с неприличиями очень давил на неё. Девушка стала более замкнутой, предпочитая в нерабочее время чаще находиться дома. Она была рада только обществу Ивана.

Впрочем, у Ивана времени на Анхелику оставалось всё меньше. Они с Прометеем готовились к большому походу. Из лягушачьей кожи сделали по две пары широкоступов, тайком от всех завялили оленины, наточили остроги, набрали пропитанной жиром ткани, чтобы в зимнее время было чем укрыться от дождя. Взяли по паре запасных сапог из оленьей кожи. Набрали бочонок пресной воды. Выварили соль из морской воды, чтобы солить рыбу в пути. Вёсла Прометей сделал из дерева и тонкого нержавеющей металла, выпиленного из стенок внутренних помещений старого судна, затопленного неподалёку от острова.

На плоту Прометей придумал сделать невысокий трюм для хранения вещей и для того, чтобы спать на нём сверху. Вода постоянно перетекала через край плота. Чтобы уравновесить

центр тяжести, он придумал сделать противовес на днище, назвав его килем. Плут, припасы и оборудование были готовы. Иван очень переживал, что Прометей уйдёт в одиночку.

Уходить решили в ночь. Иван сообщил ничего не подозревающим родителям, что уходит на улицу.

– Опять к Анхелике? – спросила мать.

– Нет, просто пойду, пошатаюсь.

– К Марии присмотришь. Очень порядочная девочка и, между нами, у неё тоже никого не было.

– Ой, мам, хватит.

Иван выбежал на улицу, остановился, посмотрел на приземистый родительский дом. Сердце чуть-чуть заныло, заскучало наперёд по родителям, забило в предчувствии их тревог. Ничего, он не последний ребёнок в семье. Будет кому занять его место на время.

Иван не хотел думать о том, что может не вернуться, или о том, что может его ждать по возвращении. Не стоит рвать душу бесполезными волнениями.

Он развернулся и скорым шагом пошёл в сторону бухты, где его должен был поджидать Прометей.

Он и в самом деле ждал. Сидел на берегу и разглядывал звёздное небо.

– Готов? – спросил он.

– Да.

– Во славу основателей, прошу благословить нам это путешествие, – произнёс в небо Прометей.

Иван повторил эту фразу. Он говорил её и раньше, но то были относительно короткие маршруты, от которых не замирала душа. Теперь в эти слова он вложил подлинное желание получить заступничество предков, смотрящих на него с небес.

– Ой! Ай!

Из темноты послышался шум осыпающихся камней и девичьи крики.

Прометей обернулся в сторону Ивана.

– Я понятия не имею, кто это, – произнёс тот.

– Голос знакомый.

– Анхелика? – крикнул в темноту Иван.

– Да, это я, – раздался голос.

– Ты какого рожна сюда притащилась? – крикнул Иван и направился в её сторону.

– Твою мать! – ругнулся Прометей.

Анхелика выступила из темноты.

– Я, я... Вы куда собрались?

– Ты следила за мной? – напустился на неё Иван.

– Да! Я заметила, что ты тоже стал меня сторониться. От меня все отвернулись, и ты тоже! – почти прокричала девушка со слезами в голосе.

– Да ты сама виновата в том, что с тобой произошло! А сюда-то ты зачем пришла? Иди отсюда и забудь, что нас видела, – грозно произнёс Прометей из-за плеча Ивана.

– Нет! Я никуда не уйду. Меня в посёлке обходят стороной и косятся. Я больше не могу этого терпеть. Возьмите меня с собой.

Анхелика схватила Ивана за руку, но тот её отдернул.

– Ты сдурела? Это опасное путешествие. Мы за год не обернёмся, и не факт, что вернёмся вообще. Ты не выдержишь, и мы на тебя не рассчитывали. Ни еды, ни одежды. Ты знаешь, что такое зима на материке?

– Знаю, ты рассказывал, – всхлипнула девушка.

– Всё, разворачивайся и марш домой!

Прометей вышел из-за Ивана, развернул Анхелику за плечо и толкнул от себя. Девушка оступилась и упала. Захныкала, взялась за ушибленную ногу.

– Иван, вы либо берите меня с собой, либо никуда не поплывёте. Я расскажу о вас капризу Борису. Не хочу этого делать, но вы меня сами вынуждаете.

– Вот же ты выбрал себе заразу, – прошептал Прометей. – Мы отойдём с Иваном в сторонку, обсудим.

Они отошли.

– Спасибо. Иван, за подляну.

– Я был не в курсе, что она за мной следит? Давай отчалим, а она пусть бежит, жалуется.

– Нет, так не выйдет. У них катамараны быстрые, она нас через пару часов перехватят. Что, если взять твою Анхелику, да бросить её на Вайгаче. Пусть, как хочет, добираться.

– Нет, ты что. Она умрёт там, а мы с тобой вернёмся и с нас спросят. Нет, я не хочу такого для неё и для себя. Она своенравная, но умная.

– Короче, она тебе ещё нравится?

– Да, она хорошая.

– Брать женщину в море – дурная примета. Это я на подлодке в одной книге прочитал.

– Да нет, не стоит верить в приметы.

– Ты же готов взять её? – насмешливо спросил Прометей.

– Не совсем, но ей и правда, сейчас тяжело. В неё все пальцами тычут, будто она своими руками капдва убила.

– Вот же испортили старт, так испортили. А как всё хорошо начиналось. Хоть отказывайся теперь от затеи, – вздохнул Прометей. – Как она будет ходить в туалет? Как мы будем при ней? Не к бережку же приставать?

– Придумаем что-нибудь.

– Короче, влюблённый, я беру её на одном условии, что она будет беспрекословно мне подчиняться. Если она попробует показывать свой характер, то вы оба сойдёте на берег и потопаете домой пешком, а я продолжу путь один. Идёт?

– Идёт, – неуверенно выдохнул Иван.

Плот отчалил от берега. Волны ударились о низкий борт плота и разлетались брызгами. Прометей и Иван сидели на вёслах, а неожиданный «сюрприз» Анхелика шмыгала носом, сидя на самом высоком месте.

Берег исчез в ночи, и всё пространство вокруг слилось в одно целое, бездонное и бесконечное.

Глава 3

Планета выла, как раненый зверь. То ли от боли, причиняемой её телу, то ли от беспомощности помочь погибающему миру. А может быть, это и был её замысел – уничтожить мир. Но нервы не выдержали, и теперь она заливалась скорбящим воем.

Горстка туристов, спрятавшаяся под каменным карнизом, с ужасом наблюдала за беснующейся стихией. Суэта вокруг раненых закончилась, и теперь каждого человека в группе интересовало, что же происходит вокруг. То, что они видели и, более того, слышали, не вписывалось ни в какие разумные теории. Осознание невозможности происходящего будто нокаутировало каждого. Все смотрели на клубящуюся вокруг пыль и молчали. Разговаривать не хотелось, не только из-за жуткого воя. Каждый ушёл в себя, словно провалился в свои воспоминания.

Вика первой зашевелилась, достала телефон и набрала на экране сообщение для Вадима: «Когда это закончится?»

Вадим взял в руки её телефон и написал.

«А что это вообще?»

«Ураган» – написала Вика.

«Слишком сильный» – ответил Вадим. – «Таких не бывает».

«Не пугай меня. Это нам не повезло. Напишу СМС маме».

Вика настучала эсмэску и попыталась отправить. Связи не было. Поднялась и поводила телефоном в разные стороны. Связь так и не появилась.

«Не ловит» – настучала она сообщение для Вадима.

«Мы далеко от вышки» – ответил Вадим.

Их примеру последовали и остальные члены группы, достав телефоны и принявшись переписываться друг с другом. В сумрачной, пыльной атмосфере убежища замечались прямоугольные огоньки светящихся телефонных экранов.

Виктор, из группы москвичей, набрал на телефоне сообщение и передал Зурабу:

«Здесь часто такой случается?»

Зураб пробежал глазами и хмыкнул. От бороды поднялось облако пыли.

«Никогда» – ответил он кратко.

В глазах Виктора появилось удивление. Зураб взял его телефон и написал:

«Это началось ещё в Америке. Мне рыбаки сказали».

«Это вряд ли. У нас ветра разные» – ответил Виктор.

Зураб пожал плечами и не стал отвечать. Натянул на лицо горлышко водолазки и погрузился в себя.

Часы показывали три часа ночи, а ветер и не думал стихать. Никто не спал, кроме раненых. Вика сделала из ваты беруши и заткнула ими уши. Результат её устроил, и она сделала ватные шарики для ушей Вадима. С ними вой становился более сносным, но гул горной породы сильнее чувствовался через кожу.

Уфимские парни решили устроить поздний ужин – или ранний завтрак. Расчехлили рюкзаки, достали банки и принялись есть. Их пример заразил остальных. Все, кроме Марка и Тимура, достали из рюкзаков запасы и набивали свои желудки. Вадим и Вика ели из одной банки какую-то соевую тушёнку. Вадим набрал её на распродаже, пытаясь сократить свой скромный бюджет. Пыль попадала на еду в ложках и скрипела на зубах.

– Минералы! – крикнул на ухо Вике Вадим.

– Ага, кальций для костей! – прокричала Вика.

На время ужина страх и неопределённость отступили на второй план. Ужин, как и любое другое действие, отвлекли от происходящего. Тушёнку запили растворимым кофе из пакети-

ков, разведённым холодной водой. И снова наступил период молчаливого созерцания. Вой ветра автоматически переводил мысль на депрессивный, унылый лад. Дурные мысли сами лезли в голову, заставляли развивать их, додумывать и погружать в ещё большее уныние.

Вика снова достала телефон.

«Я в туалет хочу» – написала она.

«По-маленькому?»

«Да, слава богу».

Вадим оглядел убежище. Все сидели плотно, и подходящего места совсем не было. Вика смотрела на него умоляюще. Надо было что-то придумывать. Вадим взял в руки трекинговую палку и вытянул её вперёд, за границу клубящейся пыли. Поводил из стороны в сторону, ожидая удара падающих сверху камней. Затащил палку назад, прикрепил к ней маленькую «пенку» для сидения и снова выставил наружу. Подождал немного и затянул назад. Включил фонарь на телефоне, чтобы проверить повреждения. «Пенка» была цела, но засыпана песком.

«Прикройся пенкой, возмись за палку, я буду тебя держать, и ...»

В глазах Вики светился страх. Ей казалось, что за стеной в шаге от выхода её ждёт смерть.

«Не бойся, ветер уносит камни дальше. Здесь только пыль и песок» – написал Вадим.

Вика одела на голову «пенку». Выглядела она смешно, но никто не смеялся. Обмотала лицо платком, расстегнула заранее ремень, взялась за палку и короткими приставными шагами вошла в облако пыли. Несмотря на свет, она сразу же исчезла из вида. С одной стороны это было хорошо, всё происходило, как за ширмочкой, но с другой за Виду было страшно.

Вадим дёрнул слегка за палку, Вика ответила. Меньше, чем через минуту она вернулась. На лице её светилось довольное выражение.

Остальные как будто только и ждали, кто первым сделает шаг из убежища. В туалет стали выходить друг за другом. Судя по тому, что никто не пострадал, перед убежищем была мёртвая зона, куда ветер не мог забрасывать смертоносные снаряды из камней.

Из туалета вернулся Петро, и все увидели, что его куртка блестит. Это стало поводом для немых шуток насчёт «писать против ветра». Петро показал рукой вверх, изображая дождь. Поднёс рукав ко рту и попробовал на вкус влагу. Его лицо смущённо зарделось.

«Солёная» – неслышно произнесли губы.

Залпа смеха не было, да его бы и не услышали, но каждый решил, что в этой шутке была большая доля правды.

На какое-то время народ в убежище затих. Софья проверила повязки у Марка и Тимура. Оба потеряли много сил и крови и теперь спали, вызывая лёгкую зависть у остальных. Многим хотелось заснуть и проснуться тогда, когда всё закончится.

Зураб водил туристов на плато уже три года. Он родился на Кавказе, в горах, с детства ходил в походы, поэтому, когда ему предложили летнюю подработку водить группы туристов на плато Путорана, он с готовностью согласился. Всякое случалось за эти три года – и срывались вниз, и чудили по пьяни, и разные мажоры били себя «пяткой в грудь», но сегодняшний случай по неприятностям многократно превзошёл все остальные, взятые вместе.

Два трупa, и двое тяжелораненых. Выговором и увольнением тут не отделаешься. Хотелось всё свалить на катастрофическую непогоду, но в таких случаях любой начальник над Зурабом будет спихивать с себя ответственность, перекладывая её на плечи непосредственного участника событий.

«Когда же этот вой закончится?» – сверлила мозг постоянная мысль.

Ему показалось, что на лицо ложится влага. Зураб встал, зажёл фонарь и осветил им в сторону выхода. Луч света упёрся в блестящую стену грязно-мокрой взвеси. Он протянул руку, подождал, когда она станет влажной, поднёс ко рту и попробовал на язык. Вкус влаги и в самом деле оказался солёным. Глупая догадка про то, что ветер поднял мочу в воздух, была

отброшена. Не могли они произвести столько влаги. Но никакого иного объяснения на ум не приходило.

«На улице идёт солёный дождь» – написал Зураб на телефоне и дал прочесть Стасу.

Тот прочёл несколько раз и ответил:

«Откуда он взялся?»

«Не знаю».

Всё было странно с этой непогодой, начиная с того, что о приближении ветра никто не предупредил, в то время, как раньше МЧС информировало о разных погодных пустяках. Информация шла по интернету, но негласно, что косвенно могло указывать на её разрушительный характер, с которым правительства не знали как сладить. Не нужно было становиться специалистом по климату, чтобы понять, что такая сила ветра не типична для любой части планеты, кроме может быть, Антарктиды, где ветры иногда достигают скорости под триста километров в час. Камень, летящий со скоростью суперкара, способен проделать в человеке дыру. Результат – двое убитых и двое раненых.

Зураб вспомнил направление ветра. Он подумал о том, что солёную влагу могло принести со стороны Северного ледовитого океана. Но нет, ветер дул с запада. Географию местности он знал отлично и спокойно ориентировался. Тёмный фронт шёл полосой точно с запада. Хотя это мог быть какой-нибудь супермерч, и он мог показаться полосой только потому, что человек не видел всей картины из-за её гигантских масштабов.

Невесёлые мысли ввергали в депрессию, порождая ещё более мрачные предположения. Зураб встряхнул головой, отгоняя от себя негатив. Нет, он слишком хорошо фантазирует. На самом деле всё не так.

Теперь в туалет захотел Вадим. Вика, прижавшись к его плечу, дремала, и ему не хотелось её будить. Сон в такой обстановке значил многое. Для себя Вадим сделал вывод, что нервы у Вики железные, и если их отношения продолжатся, этот факт будет прекрасным бонусом к её красоте и уму.

Он заметил, что в их убежище воздух стал чище, будто осела вся пыль. Хотя, судя по звуку, ветер и не думал стихать. Вадим вытянул ногу в сторону выхода, подождал полминуты и подтянул обратно. Посветил телефоном на ботинок. Он был мокрым.

«Значит ещё и дождь пошёл, – подумал Вадим. – Не получилось запланированного активного отдыха. Зато с Викой познакомился».

Из головы не уходили мысли про повторяющийся сон, про безмятежное сидение на краю скалы. Что он мог значить? Неужели кто-то сверху направлял его сюда только ради того, чтобы встретить свою судьбу? Вадим посмотрел на Вика и осторожно приложился губами к её лбу. Вика улыбнулась. Она не спала, а только делала вид, что спит. Вадим понял, что спалился, поцеловал Вика в лоб ещё раз, но более уверенно, как свою. Девушка крепче обняла руку Вадима.

Часы показывали пять утра. Водяной взвеси в убежище становилось всё больше, и теперь каждый мог убедиться в том, что вкус у воды солёный. Влага была везде, в том числе и на лице. Просто облизнув губы, можно было почувствовать её вкус. Вадим не мог больше терпеть. Он дотронулся до плеча Вики. Девушка сразу открыла глаза.

– Отлить надо! – крикнул ей на ухо Вадим.

Вика приподняла брови, словно возмущившись непосредственностью Вадима, но затем взяла в руки трекерную палку и дала понять, что готова поспособствовать проблеме. Вадим натянул на голову пенку, расстегнул ширинку, взялся одной рукой за палку и шагнул во тьму. Ему показалось, что он вошёл в поток воды. Даже дыхание сорвалось из-за того, что он её вдохнул. К рёву ветра примешивался другой звук, похожий на шум водопада. Вадим сделал ещё один шаг и вытянул руку в сторону выхода. По ладони ударила тяжёлая струя воды. Вадим испуганно отдернул руку, быстро справил свою нужду и вернулся назад.

Вика сразу прочла в его глазах страх.

«Что случилось?» – спросила она текстом на экране телефона.

«Там вода течёт сверху, потоком» – ответил он.

Вика не поняла его.

«Там сильный дождь?»

«Нет, там водопад, в трёх шагах от выхода. Попробуй, вытяни вперёд палку».

Вика взяла в руки вторую палку и сделала шаг во тьму. Вадим страховал её за руку. По палке будто ударили, чуть не выбив из рук. Вика взвизгнула и отскочила назад. Народ, с интересом наблюдающий за их манипуляциями, ждал результата.

Вадим написал на телефоне текст и показал его Зурабу.

«Там водопад, прямо на входе».

Зураб с недоверием прочёл текст, показал его Стасу, и решил проверить всё сам. Оба инструктора скрылись из глаз, и появились меньше, чем через минуту. Зураб был весь мокрый, как будто помылся в душе. Он стряхнул с себя влагу, потом скинул верхнюю одежду, достал из рюкзака камуфлированную куртку и надел. Народ ждал, когда он поделится с ними известием о том, что же там происходит. Зураб не торопился этого делать. На его лбу собралась складка, весь вид показывал, что человек находится в глубоких раздумьях.

К Вадиму с Викой подошёл парень из команды уфимцев, Вячеслав. Он протянул Вадиму свой телефон:

«Что там, сильный дождь?»

Вадим засомневался в том, что ему стоит ответить. Не хотелось устраивать напрасную панику в закрытом помещении.

«Очень сильный дождь. Ливень» – ответил он.

«Понятно» – беззвучно произнёс Вячеслав и унёс телефон, чтобы показать ответ своим товарищам.

Остальные подошли к ним любопытствовать. Москвичи даже вышли наружу, но тут же вернулись, потрясённые увиденным. В голове каждого человека, который сидел в убежище, строились собственные гипотезы о происходящем. От рядовых, типа урагана, до библейских, про всемирный потоп.

Наступило утро. Определили это по часам, по ощущениям же тьма так и осталась тьмой. Никакого намёка на просвет не было и в помине. За границей видимости всё выло и гудело. Неожиданно, гора загрохотала, свод и пол убежища затряслись, как при землетрясении. Народ испуганно завертел головами. Грохот нарастал. Вика вцепилась в руку Вадима и со страхом ждала, во что выльется нарастающий шум. Казалось, что такой грохот не сможет пройти мимо.

Грохот заглушил вой ветра. Он уже ощутимо звучал прямо напротив входа. Люди смотрели на выход и ждали, чем закончится страшное представление.

Всё произошло неожиданно. Волна воды с огромной силой ударила внутрь убежища. Кто успел вскрикнуть от страха, подавились водой. Волна потянула за собой людей и вещи в сторону выхода.

Вадим не выпустил Вику из рук. Он рефлекторно ухватил трекинговую палку и упёрся ею в пол, удерживаясь из последних сил. Волна схлынула быстро. Вика отплёвывалась, успев наглотаться воды. Вадим обхватил девушку и затянул её вглубь убежища, подальше от входа. Кто-то толкался сбоку. Фонарь, освещавший убежище, унесло водой, поэтому тьма была крошечной.

К счастью, рюкзак Вадима и рюкзак Вики вода не смыла, но, к сожалению, основательно всё промочила. Вадим залез в свой рюкзак, полный воды. У него был непромокаемый фонарь, и сейчас он здорово пригодился. Его луч осветил убежище. В нём, словно морские котики на лежбище, отсвечивая мокрой одеждой, копошились люди. На первый взгляд нельзя было понять, все ли на месте.

Вадиму не было дела до всех. Первым делом он поинтересовался самочувствием Вики. Она выглядела испуганной. То ли от страха, то ли от холода губы у неё тряслись. Вадим прижал её к себе и попытался что-то произнести на ухо, но увидел в нём вату и понял, что его не услышат. Жестами он попросил Вика снять куртку. Вдвоём они выжали одежду и Вика снова её надела. Потом они выжали куртку Вадима, потяжелевшую в несколько раз. Только после этого, Вадим решил узнать, как обстоят дела у остальных.

Итог оказался печальным. Зураб, всё ещё считая себя ответственным за группу, пересчитал всех, кто был в убежище. Вода унесла раненого Тимура и Римму, а также кучу вещей. Это было страшно. Каждый примерил их ситуацию на себя. Хотя полного осознания, что эти люди уже мертвы ещё не произошло, сам факт собственной беззащитности перед стихией пугал до смерти. Убежище больше не воспринималось таковым и теперь напоминало ловушку, откуда смерть будет доставать свои жертвы одну за другой.

Телефоны у большинства погибли в воде. У Зураба, Стаса, Юрия и Софьи телефоны оказались в непромокаемых корпусах. Люди собрались вокруг них, чтобы хоть как-то общаться между собой.

«Откуда взялась эта вода?»

«Похоже на сель» – написал Зураб. – «Сошёл с горы и захлестнул сюда воду»

«А вдруг ещё будет?»

«Не исключено. Держитесь крепко»

Татьяна сидела, зажавшись в самом дальнем углу. Она прикрыла лицо руками и рыдала. Тело девушки сотрясилось, как от судорог. От её компании остался только полуживой Марк. Вика толкнула Вадима, давая понять, чтобы он каким-то образом успокоил или пожалел Татьяну.

Вадим ступешался. Он не был спецом в таких делах и не знал, как подойти к расстроенной девушке. К счастью, Зураб оказался быстрее и автоматически освободил Вадима от неожиданной повинности.

Опытный инструктор помог несчастной девушке выжать сырую одежду, набросил ей на плечи какую-то накидку и подстелил ей свою «пенку». Девушка перестала рыдать, но взгляд оставался несчастным. Её можно было понять.

Команда успешных менеджеров из Уфы пребывала в тяжёлой задумчивости или, лучше сказать, «загруженности». Смерть товарища тяготила их. Да ещё и печальная обязанность по возвращении домой поведать о судьбе сына родителям.

Петро рылся в своём рюкзаке. Он был единственным из всех, кто не казался напуганным и расстроенным, как остальные. Рытьё в рюкзаке как будто дало ему цель, и пока он этим занимался, печалиться было не о чем. Он вынул баллон с газом и маленькую портативную раскладную горелку на одну конфорку. Соединил их вместе и разжёг. Оранжево-синее пламя едва освещало пространство радиусом в полметра. Петро поставил жестяную банку на горелку и растянул над ней свою промокшую толстовку. Свет от горелки почти исчез, но зато по убежищу разошёлся запах еды.

Вадим вскинул руку с электронными часами к глазам и нажал кнопку подсветки, чтобы увидеть время. Было около двенадцати. Снаружи, даже если представить, что там непроглядный ураган и ливень, не пробивалось и капли света. Вадим даже представил себе, будто их убежище попало под воду, и в нём остался воздушный пузырь. Потом он вспомнил, что убежище было расположено так, что не смогло бы удержать воздух. Предположение успокоило его, но приемлемого объяснения причин появления абсолютной тьмы он всё равно не нашёл.

Вика захотела есть. Она забралась в свой рюкзак и вынула оттуда пачку печений в пластиковой обёртке. Девушка нащупала руками рот Вадима, сжала ему немного губы, нечаянно сбив с толку. Вадим подумал, что к нему лезут целоваться, но вместо губ Вики почувствовал

во рту что-то сухое с кондитерским ароматом. Он открыл рот шире и откусил печенье. Они съели всю пачку, как два влюблённых голубка, прижавшись друг к другу.

Вадим вспомнил, что они с Викой даже не объяснились, чтобы определиться с тем, что они питают друг к другу. Всё произошло само собой, не требуя слов. Обстоятельства сделали это за них. Вадим попробовал на вкус сочетание: «Вика – моя девушка». Оно понравилось ему и показалось естественным. Поддавшись чувствам, он стиснул «свою девушку» по сильнее. Вика чмокнула его в ухо, промахнулась в темноте. Промах рассмешил обоих, они беззвучно затряслись, и это рассмешило их ещё сильнее.

Всем остальным в убежище было не до смеха. Татьяна готова была прыгнуть в бездну за подругой. Зураб и Стас тяготились ответственностью за группу. Менеджеры скорбели по товарищу. Москвичи, в принципе, не были готовы к такому повороту дел – ведь их ждали миллионные контракты. Петро и Михаил ещё держались, но только с виду. Деньги были уже взяты и частично освоены, но проекту теперь точно конец. Их страшил долг, взятый не в банке, а у криминальных товарищей Михаила. Процент там был меньше, но приставов за возвратом долга они посылать не станут.

Зураб снова взял трекинговую палку, и они вместе со Стасом попытались ещё раз прощупать обстановку снаружи. Стас светил фонарём телефона в спину товарищу. Зураб словно растворился в тумане. Вот он стоял – и вот исчез в тёмной водяной взвеси, как призрак. На расстоянии вытянутой руки от источника света его уже не было видно. Через несколько секунд он вернулся. Едва различимое в сумраке лицо не выражало ничего хорошего. Значит, там ничего не поменялось в лучшую сторону.

Зураб взял пробу воды, бегущей вниз по горе. Она оставалась солёной, и его, человека немного знакомого с географией и элементарными законами природы, это обстоятельство загоняло в тупик. Он точно знал, что в этих местах солёной воды нет, а до самого близкого к ним Карского моря больше полутысячи километров. Теоретически он мог представить, что некий смерч, образовавшийся где-то в океане, набрал солёной воды и теперь обрушивает её на плато. Сила урагана на самом деле походила на огромный смерч, но и ему пора бы уже было иссякнуть.

Никакого иного выхода, кроме как ждать чем всё закончится, у людей, спрятавшихся в небольшой выемке в теле горы, не было. И заняться в ожидании окончания урагана им было нечем. Они могли только прокручивать в голове разные мысли – о том, что было, что есть и что будет.

Вадим даже заснул. Организм успел привыкнуть к вою и отключил его как постоянный, привычный раздражитель. Ему приснилась деревня, дом, мать, отчим, сводные брат и сестра. Мать разводила руками, будто извинялась за то, что так произошло, что-то говорила, но голос её не был слышен. Потом они все помахали Вадиму руками, обратились в белых гусей, разбежались по сельской пыльной дороге и взлетели. Он проводил их взглядом, а в душе появилось чувство, что улетели они навсегда.

Вадим проснулся. Сон оставил в душе тягостное ощущение и пустоту. Снаружи так ничего и не поменялось. Ветер выл тысячами турбин, разгоняя Землю до световой скорости. У кого-то горел фонарь, прятаясь за тёмными силуэтами.

Вадим проверил время. Только три часа дня. Ему показалось, что он проспал сутки, и наступил новый день. Он ждал, а ожидание всегда растягивало время. Нужно было как-то найти в себе силы принять обстоятельства и придумать занятие, чтобы не впасть в уныние.

«Это должно когда-нибудь закончиться, – убеждал себя Вадим. – Не зря же мне встретишься такая прекрасная девушка. За что судьбе дразнить меня?»

Вика тоже спала или делала вид, что спит. Вадим провёл рукой по мокрой ткани куртки девушки. Она вздрогнула, но не проснулась. Вадим решил, что ей снится сон, и может быть,

такой же странный, как и его собственный. Вой ветра наверняка не лучшим образом действовал на подсознание.

Зураб встал с места с включённым телефоном. Он подносил экран к глазам людей, чтобы те прочли какое-то сообщение. Вадима показалось, что он даёт прочесть какие-то известия из внешнего мира. Надежда сразу окрылила его, так что, казалось, даже вой снаружи поутих, а последствия странного сна растаяли в ожидании. Что ни говори, а определённости всегда придаёт сил.

Зураб подошёл к ним в последнюю очередь. Вадим взял в руки телефон и впился глазами в текст. Это было разочарование. Зураб просил проверить запасы и дать ему знать, что осталось пригодного. Инструктор поступил правильно, предусмотрев возможность долгой изоляции, но убитая надежда вновь испортила настроение.

Вику пришлось разбудить. Вадим попросил её вынуть вату из уха и прокричал ей просьбу Зураба. Они принялись копошиться в своих вещах, как и все остальные члены группы. Нечем было заняться только Татьяне – её рюкзак унесло водой. Зураб отдал ей рюкзак подруги Риммы. Едва сдерживая слёзы, она вынимала из него вещи погибшей подруги.

В рюкзаке Вадима безвозвратно пропали все продукты в бумажной упаковке. Их было немного. Три пакета с картофельным пюре, один пакет с макаронами. Полиэтиленовый пакет с сахаром порвался и растворился в солёной каше из воды и картофельного пюре. Все вещи были в осклизлой грязи.

Вадим решился на отчаянный поступок. Объясниться было тяжело, но Вика поняла его намерения. Вадим взял сменные джинсы из рюкзака в одну руку, в другую трекинговую палку, за которую его держала Вика, и сделал шаг наружу.

Звук сразу поменялся. Вой затих, его забил гул падающей воды. Страшно было представить, какую силу несла в себе стихия. Вадим осторожно вытянул руку вперёд. Ничего. Сделал ещё один короткий шаг и чуть не выронил штаны. Вода ударила по руке, словно молот. Тяжёлый поток воды отбил грязь со штанов не хуже центрифуги. Вадим вернулся, взяв майку и свитер, превратившиеся в липкую грязную массу. Теперь он был готов к тому, что поток ударит его по руке, и действовал смелее.

После этого он вернулся назад в убежище. Теперь им с Викой предстояло выжать воду из промытых вещей. Высушить их во влажной атмосфере из клубящейся водяной пыли было нельзя, но так они хотя бы не весили в пять раз больше своего веса. Вика взялась за один конец свитера, Вадим за другой. Во рту он держал фонарь, чтобы освещать процесс выжимания. Вода потекла тёмными ручьями. Вадим увидел, как вместе с водой из одежды вниз упал какой-то предмет. Вика тоже это заметила. Она нагнулась и подняла его с пола. Вадим осветил ей фонарём, чтобы лучше разглядеть.

Вика долго вертела его, не понимая на что это похоже. Вадим решил, что кроме камней сверху ничего не может попасть, но предмет совсем на него не походил. Он был похож на кусок корня, но по виду, слишком мягок и податлив для дерева. Вадим увидел, как в глазах Вики неожиданно появился ужас, она дико взвизгнула, перекрыв вой ветра и отбросила от себя предмет. Девушка замерла в ступоре, вытаращив испуганные глаза.

– Вика! Вика! – Вадим забыл про свитер, крепко обнял её и попытался поцеловать в щёку.

Вика отстранилась рывком.

– Там... это же... я подумала... это рука, – беззвучно произнесли её губы. – Человеческая рука. Кисть.

Вадим подумал, что у Вики произошёл импульсный выход негативной энергии. Предмет, который она отбросила, нечаянно напомнил ей человеческую руку, а собравшаяся в короткий удар психическая энергия нашла себе образ, который позволил бы быстро от неё избавиться.

– Тебе показалось, Вик, успокойся. Я сейчас найду и покажу тебе, что это совсем не так.

Вадим посветил фонарём. Народ уже поднялся и тоже смотрел себе под ноги. Вячеслав, парень из Уфы, нагнулся и взял в руки вещь, выброшенную Викой. Несколько фонарей упёрлись в него светом. Подошёл Зураб и Софья. Москвичка плеснула на грязную вещь водой из бутылки. И тут, ко всеобщему ужасу, стало видно, что Вячеслав держит за палец, сильно повреждённую человеческую кисть. На месте запястья висели ошметки вымоченной кожи и мышц. В центре ладони зияла рваная дыра, а некоторые пальцы блестели белыми костями.

Тут не выдержали нервы и у Вячеслава. Он вскрикнул и с отвращением отбросил кисть от себя. Минуту или две никто не двигался. Страшная находка напугала до паралича сознания.

Вадим оклемался первым. Он нашёл на полу кисть и выбросил её наружу. Теперь надо было успокоить Вику. В её глазах ещё светился ужас и отстранённость. Вадим прижал её голову к своей груди и по-отечески провёл рукой по волосам, словно успокаивал свою дочь. Девушка не сопротивлялась. Под одеждой чувствовались лёгкие вздрагивания тела, но Вадим глушил их рукой.

В голове каждого, кто был в убежище, крутилась одна мысль, пытающаяся увязать страшную находку с тем, что происходит снаружи. Пётр и Михаил решили, что вода и ветер размыли могилу и смыли вниз разлагающуюся плоть. Ответ на вопрос, откуда на плато могила, их сейчас не волновал.

Москвичи, в особенности Софья, не спешили делать окончательные выводы. Она написала на экране телефона свои мысли:

«Плоть не сгнила, суставы гибкие. Вымочена в воде, но судя по состоянию, не больше нескольких суток с момента отделения»

«Каким ветром занесло её сюда» – попытался пошутить Юрий.

«А что если это кто-то из туристов, которые оказались на плато?» – вставила своё мнение Вероника.

«Их что, ветром на куски рвёт?» – дописал вопрос Виктор.

«Они могли попасть в сель, где их разорвало камнями» – высказалась Софья.

«Какой ужас. Когда же закончится этот ветер?» – оставила свой комментарий Вероника и отошла от группы. Их предположения пугали её и настраивали на пессимистический лад. Ей захотелось остаться наедине с собой, со своими мыслями.

Парни из Уфы, имели на этот счёт свои предположения. Они решили, что кисть принадлежит их товарищу, Тимуру.

«Зря этот чувак выбросил её. Если не найдут тело, можно было бы похоронить хотя бы её» – поделился записью Максим.

«Не знаю, у меня от неё до сих пор мурашки по коже» – ответил Вячеслав.

Татьяна была уверена, что это кисть её подруги Риммы. Со своей подругой она прошла многие места боевой славы, не раз оказывалась вызволенной из сложных обстоятельств благодаря её помощи, и многим была обязана ей, в том числе и работой в ночном клубе Марка. Голос совести шептал ей слова упрёка в том, что она не уберегла подругу. Татьяна не думала о том, что за стихия разыгралась снаружи. Если бы ей сказали, что подобные ураганы случаются здесь время от времени, она бы поверила.

Зураб и Стас вели свою переписку. Зурабу, как человеку, имеющему за плечами высшее педагогическое образование и широкий кругозор, было очевидно, что снаружи творится что-то не имеющее аналогов в истории человечества, по крайней мере, с библейских времён.

«Это ураган по силе сравним со скоростью вращения воронки смерча, только он движется фронтально, либо это смерч размером с полушарие планеты» – написал Зураб строчку для Стаса. – «Но такое невозможно».

«Ты хочешь сказать, что он идёт по всей стране?» – отписался Стас.

«Не знаю, может быть, он идёт только в северных широтах. Как в фильме “Послезавтра”, помнишь?»

«Там фантастика, брехня одна»

«Вчера сегодняшний день тоже был фантастикой. Ураган, куча трупов, да ещё нам пома- хали ладошкой, на прощание»

«Твою мать, не шути так. Мы и так как в могиле тут сидим»

«Нет, Стас, могила снаружи. Нам несказанно повезло, что мы успели добежать»

«Чья же это была ладошка?»

«Ветром принесло. Вместе с солёной водой»

«Не перегибай»

«Посмотрим»

На самом деле любая теория в их обстоятельствах оставалась теорией. Можно было только строить предположения, основываясь на ограниченном количестве фактов.

Вадим был занят тем, что пытался, как в немом кино, успокоить Вику. Он молчком наминал ей бочок, гладил по волосам. Поцеловать её в таком состоянии он не решался, опасаясь неадекватной реакции. В конце концов Вика успокоилась, развернулась к Вадиму лицом и коротко поцеловала его. Она жестами показала, что готова снова заняться делом. Вещи Вадима, постиранные ранее, валялись на полу, затоптанные по неосторожности. Пришлось всё начинать заново.

Их активность подбодрила и остальных. Люди бросили предаваться страхам и унынию, и с новой энергией принялись разбирать рюкзаки.

Глава 4

Прометей и Иван безостановочно гребли три часа, пока в самодельном парусе не зашелестел утренний бриз. Пропитанная жиром ткань расправилась и потянула корабль в сторону острова Вайгач. Всё время, чтобы не потерять направление в ночи, они шли так, чтобы Полярная звезда была у них за спиной. Чем дальше плот отдалялся от острова, тем больше в душе становилось безмятежности. Можно было подумать, что беспокойства и неприятности случаются только по причине живущих вокруг людей.

Иван сделал глоток воды и передал деревянную бутылку Прометею. Он представил, что снова случилась катастрофа, подобная той, давнишней, и выжил только он. В отсутствие других людей не было бы и понятия о морали, о принципах, об ответственности и прочих вещах, ценимых в обществе. Устав от контроля, можно было бы пожелать себе такую жизнь, но с другой стороны, полное одиночество быстро наскучит.

Иван посмотрел на спящую Анхелику. Вот уж у кого совесть спит. Родители там, наверное, с ума сходят. Ничего, недолго будут сходить. Как только его отец с матерью прочитают записку о том, что он ушёл в далёкое путешествие вместе с Прометеем, всем станет ясно, что и Анхелика ушла с ними.

– Иди, поспи, – предложил Прометей. – Ветер нормальный, я пока порулю.

Иван не стал отказываться. Забрался на трюм, прижался к Анхелике и накрылся оленьей шкурой. Ветер приятно трепал волосы, плот убаюкивающие покачивался на волнах, а вода мерным стуком разбивалась о борт. Анхелика была тёплой и уютной. Иван не заметил, как погрузился сон.

Проснулся он от того, что солнце припекало лицо и лезло в глаза через закрытые веки. А ещё его разбудил голос Анхелики, требующей создать ей условия для того, чтобы ходить в туалет.

Иван поднял голову.

– Анхелика, ты знаешь, что делали во времена пиратов с матросами, поднимающими бунт на корабле?

– А кто это – пираты?

– Неважно. Короче, их бросали на необитаемом острове. Ты здесь случайно, поэтому будь любезна приспосабливаться к условиям молча.

Иван бросил взгляд на Прометея. Тот одобритительно кивнул.

– Я не могу при вас, я стесняюсь, – в голосе Анхелики появились нотки плача.

– О чём ты думала раньше? Терпеть собиралась всю дорогу?

– Я не думала об этом. Я не представляла себе, как всё устроено.

– Если хочешь, мы можем оставить тебя на Вайгаче в том месте, куда пристают охотники.

Раз в неделю они там точно бывают, – предложил Прометей, надеясь, что подруга Ивана вдоволь набралась морской романтики.

– Нет! Ни за что! Теперь меня вообще за нормальную держать не будут. В посёлок не вернусь! Отвернитесь!

Иван слез с трюма и сел на носу с Прометеем. С кормы зажурчало. Иван закатил глаза под лоб.

– Что будет дальше? – произнёс он.

– Привыкнет. Может это и к лучшему, что она с нами идёт. Судьба иногда делает непонятные жесты, а смысл их становится понятен только спустя время.

– Хотелось бы, а то мне неудобно перед тобой.

– Ты ни при чём. Давай, бери весло, погребём немного. До вечера хочу до заимки успеть.

Плот, под усилиями двух гребцов, поднял перед собой волну. Анхелика с любопытством ходила по плоту, рассматривая его устройство. Заглянула в трюм, проверила, что в нём находится. Достала острогу, проверила пальцем заточку.

– А это что за штука? – спросила она.

– Острога, рыбу бить, – пояснил Иван. – Положи назад и спрашивай разрешения прежде, чем взять.

– У, злой. А я хотела у вас как раз по хозяйственной части работать. Готовить, например, и рыбу могла бы ловить, пока вы тут машете.

– В воду ещё свалишься, тебя саму придётся ловить, – огрызнулся Иван.

Его уже достала непосредственность Анхелики.

– Да нет, постой, Иван, пусть готовит. И рыбу ловить научим, только страховку привяжем, чтоб та не утянула её вместе с острогой.

– Во, Прометей здесь главный, я буду его слушаться, – весело ответила Анхелика.

Иван представил, сколько им ещё придётся хлебнуть горя с его подругой. Её непосредственность, так забавлявшая раньше Ивана, вдруг показалась ему обычной невоспитанностью, которая будет мешать их мероприятию, требующему дисциплины.

Девушка прохаживалась вдоль борта с острогой и высматривала в воде рыбу.

– Утянет за борт, и чёрт с ней, – шёпотом произнёс Иван. Он мучился угрызениями совести перед Прометеем.

– Нет, не надо, – шёпотом ответил Прометей, а потом повысил голос. – Анхелика, брось дурью маяться, нарежь нам лучше вяленой оленины. Уже время завтракать.

– Хорошо.

Строптивая «молодуха» послушалась Прометея, положила острогу на место, достала с крючка кусок оленины, нашла нож и принялась строгать тонкие куски.

– У меня мамка, чтобы мясо не было таким жёстким, заворачивает его в вяленые водоросли, и потом мы так и едим их. Вкусно, и зубы не сломаешь, – сообщила девушка.

– Это хорошо. Мы ещё попадём в места, где полно водорослей. Покажешь нам мамкин рецепт.

– Ага, – Анхелика высунула язык от напряжения.

Вдруг рука у неё сорвалась и она чиркнула ножом по указательному пальцу правой руки.

– Ай! Порезалась!

Девушка бросила нож и зажала порез пальцами. Сквозь них быстро проступила кровь. Иван бросил весло и подбежал к Анхелике.

– Покажи! Сильно? – взволнованно спросил он.

– Сильно, – сквозь слёзы ответила подруга.

Прометей тоже положил весло на борт, забрался в трюм и вынул аптечку. В ней у него хранились различные присыпки и высушенный мох. Мох отлично останавливал кровь.

– А ну-ка, покажи рану, – деловито предложил Прометей.

Анхелика выставила порезанный палец. С него капала тёмная кровь. Прометей ловко приложил мох, обернул кусочком ткани и завязал её узелком.

– До свадьбы заживёт, – произнёс он.

– Это как? – не поняла Анхелика, не знакомая с допотопными выражениями. Она уставилась на Ивана, будто он должен был ей что-то объяснить.

– Это значит, что скоро заживёт, – пояснил Иван. – Книжек надо больше читать.

Анхелика скривила губы, причём нижняя губа мелко затряслась. Из глаз потекли слёзы.

– Я, я тут, как дура у вас, вы... такие умные, умелые, а я даже мяса нарезать не могууу! – разревелась в голос Анхелика.

Прометей пожал плечами и отошёл в сторону, давая возможность Ивану разобраться в ситуации.

– Анхелика, ну что ты так расстроилась? Я, знаешь, сколько раз пальцы себе резал, пока оленину строгать научился. Вон, шрамов сколько, – Иван показал ей руку, потом приобнял девушку и поцеловал её в макушку.

– Я думала, что с вами у меня всё хорошо станет, а вы надо мной смеётесь.

– Никто не смеётся, с чего ты взяла? Просто мы совсем не рассчитывали на тебя, а ты вот так неожиданно изменила нам планы. Мы с Прометеем посоветовались и нашли тебе занятие.

– Какое?

– Будешь кашеварить.

– Этим? – сквозь слёзы протянула Анхелика, выставив замотанный палец.

– К вечеру всё заживёт, – пообещал Прометей.

Кое-как Анхелика успокоилась. Команда села завтракать. Высохшая на ветру солёная оленина плохо жевалась, поэтому завтрак длился довольно долго.

– Знаешь, что хорошо с тобой. Анхелика? – спросил Прометей.

Девушка подозрительно посмотрела на него, ожидая колкости.

– У тебя нет морской болезни. У многих, знаешь ли, первое время на воде она случается.

– А, я слышала, что от воды тошнит, – Анхелика обрадовалась неожиданному комплименту.

– Не то слово, тошнит. Люди становятся зелёными, как лягушки, и блюют под себя. Это тяжёлый недуг, и очень хорошо, что у тебя его нет.

– Спасибо, – поблагодарила Анхелика, сама не зная за что. Ей понравилось, что Прометей попытался поднять ей настроение.

Пока Иван и его подруга доедали вяленое мясо, Прометей забрался в трюм и вынул оттуда горелку, представлявшую собой металлический цилиндр, зажатый с одной стороны. Из того места, где он был сплюснен, торчал кусок обгорелой ткани.

– А теперь чайком побалуемся.

Прометей вывинтил болтик из стенки сосуда и залил в него жидкость через трубочку. Анхелика потянула носом.

– Я поняла! Это та самая вонючая жидкость, про которую ты рассказывал? – радостно догадалась она.

Прометей кинул взгляд на Ивана, Иван стушевался, и тут Анхелика вспомнила, что Иван просил её не проболтаться про эту тайну.

– Ой, прости, Иван, – Анхелика снова скривила рот. – Я забыла.

– Ничего, – мягко ответил Прометей. – Теперь я не делаю из этого тайны.

Он закрепил горелку в специальном отверстии в полу. Прикрепил над ним решётку из тонких металлических прутьев и поставил на неё металлический ковш с крышкой, наполненный пресной водой.

– Коптит меньше чем жир и даёт больше тепла. Воняет только сильно, – пояснил Иван.

– И горит на материке в тумане, – добавил Прометей.

Вода закипела. Прометей снял её с огня и закинул под крышку сушёных листьев и ягод. Над плотом повис ароматный запах. Анхелика глубоко втянула его.

– Уххх, если это ещё так же вкусно, как и пахнет...

– Ну, насчёт вкуса не могу сказать. Кисленько, жажду хорошо утоляет, сил придаёт. Для гребцов хорошо, а вот перед сном такой чай пить не стоит. Глаз не сомкнёшь, – Прометей сделал маленький глоток. – Пойдёт, можно разливать.

Иван разлил чай в деревянные кружки. Анхелика вдыхала запах чая и закатывала глаза.

– А где вы берёте эти травы? – спросила она.

– Везде. На своей шкуре, так сказать, проверяем эффект. Иван не даст соврать. Мы и травились, и понос у нас был целые сутки, и рвота. Однажды попробовали какой-то травки с материка и смеялись несколько часов, а потом на нас такая немочь свалилась, что двое суток

пластом лежали. Но чаще всего, трава безобидная. У меня дома атлас есть, в который я складываю сушёные травы и записываю их пользу или, наоборот, вред.

– Гельбарий, – добавил Иван.

– Гербарий, – поправил Прометей. – Я на подложке литературу по этой теме читал. Кстати, на острове Шпицберген есть хранилище семян. Наши предки вывезли оттуда всё, что посчитали возможным культивировать, только они не знали, что за сто лет климат так кардинально поменяется. Думаю после того, как мы вернёмся из этого путешествия, отправиться туда за другими семенами.

– Я вообще-то думал раньше, что про хранилище знали много людей и туда могли стремиться выжившие.

– Помнишь, пятнадцать лет назад, когда капризом ещё был Гонсалес, ходили туда. Никаких следов не нашли. Заросло, говорят всё, хотя предки писали, что там одни голые камни.

– Не помню, мне тогда не до этого было. А чего же семян не набрали?

– Вроде, не смогли открыть. Там всё заржавело насмерть, взрывать надо было. А может, не хотели. Ты же знаешь, как их тяжело расшевелить на новое.

– Поэтому мы больше не слышим про людей, которых называли американцами.

– Да ты что, до них вообще далеко. Когда они сюда женщин привезли, тогда ещё не всё топливо закончилось. Теперь им просто не на чем добраться. Самый короткий маршрут напрямую очень опасен. На тот же Шпицберген ходили и попали в шторм. Вдоль берега спокойнее, но долго.

– А что, если они вообще про нас забыли? – подала голос Анхелика. – Моя мать, например, считает некоторые истории, про тех же привезённых женщин, красивой сказкой. Почему мы все говорим на одном языке, хотя там написано, что женщины не знали языка мужчин?

– Так было же время, чтобы выучить, – удивился её предположению Иван.

– Не знаю, наши предки любили красиво складывать истории.

– Как жили, так и складывали, – ответил Прометей. – Потому-то мы и пытаемся искать их следы.

Он допил свой чай, встал, потянулся и закричал.

– Надо погрести, ни ветерка.

– Я погрёбу, – предложил Иван. – А ты ложись.

– Ладно, часа три подремлю. А вы потише.

– Хорошо, обещаю молчать, – ответила Анхелика, понявшая, что этот камешек был в её огороде.

Прометей свернулся калачиком на крыше трюма. Иван сел на самый нос плота и заработал веслом. Анхелика села рядом, опустила босые ноги в воду и молча любовалась возникающими возле них барашками.

– Я бы не стал так делать, – посоветовал Иван.

Анхелика тут же вытянула ноги из воды.

– Почему?

– Я таких монстров в воде рассмотрел, что к краю плота близко подходить боюсь.

– Ты меня пугаешь?

– Надо мне больно тебя пугать. Просто предупреждаю. Ты и сама увидишь как-нибудь.

У материка их больше.

– А можно и мне погрести?

– Можно, только весло не утопи.

Анхелика взяла весло и попробовала погрести им. Получалось плохо. В её слабых руках древко скользило, выворачивалось, да к тому же мешал порезанный палец.

– Тяжело, а у тебя на вид всё просто, – удивлённо и обиженно произнесла девушка.

– Сначала и у меня не получалось.

– Я научусь тоже, – уверенно произнесла Анхелика.

– А тебе это надо? Вон у тебя кухня, на целый день работы. Твори, выдумывай, радуй нас.

– Ладно, – Анхелика положила весло. – Не женское это дело.

Она подошла к Ивану, обхватила его сзади руками и забралась ими под одежду.

– Ты... хорош, ты чего? – Иван покивал головой в сторону спящего Прометей.

В глазах Анхелики загорелись чёртики.

– Он крепко спит.

Но Прометей не спал. Он кашлянул и прочистил горло.

– Видишь, – одними губами произнёс Иван. – Иди, свари чего-нибудь.

Анхелика поджала губы, насмешливо-мстительно глянула на Ивана, но пошла выполнять работу.

Набежал ветерок. Парус расправился и потянул плот. Ивану оставалось только подруливать. Чем ближе к материку, тем темнее становилась вода. Грязь, вымываемая течениями с материка, загрязняла побережье. У самого материка, в тех местах, где течения впадали в океан, длинными зелёными языками выдавались заросли водорослей. Их длина достигала нескольких километров, а кое-где и десятков километров. Языки отрывались, и по морю начинали путешествовать зелёные острова. На них селились колонии морских птиц, питающихся рыбой. Морские травоядные питались этой зеленью, привлекая хищников. Вблизи таких островов всегда было суетно, что над водой, что под ней.

Остров Вайгач на картах был островом, но сейчас он стал полуостровом. Океаны после катастрофы измельчали, а потом, когда уровень их восстановился, плотное покрывало морской зелени, размножившейся на питательной среде погибшей цивилизации, создало общее пространство, неразделимое для глаза наблюдателя. Прометей прошёл весь Вайгач вдоль и поперёк, разыскивая следы предков. Но всё было напрасно. Природа скрыла их под густым покрывалом новой растительности, морской и той, что начала расти на суше после потепления.

Иван издали заметил белое облако у самой воды. Намётанный глаз сразу распознал в нём колонию крачек. Плот шёл курсом на эту колонию. Иван подрулил веслом, чтобы не воткнуться в зелёный остров. Им не нужны были такие проблемы на самом старте путешествия. Выпутаться из зелени будет тяжело, они это уже проходили, да и оскорблённые птицы будут пытаться атаковать. А сейчас у них ещё и птенцы маленькие, так что птицы будут агрессивнее в несколько раз.

Иван снова поменял курс, взяв правее.

Анхелика, бросила работу и подошла к Ивану.

– А что это?

– Это плавучий остров с крачками. Пытаюсь обойти.

– Ух, ты, как интересно. Ты мне об этом не рассказывал.

– А что тут рассказывать? Птицы, как птицы, остров, как остров. Тысячу раз такое видел. Пару раз даже застревал. Лучше обойти подальше. Как у тебя дела на кухне?

Анхелика вздохнула.

– Да нормально. Из чего у вас готовить-то, кроме оленины?

– Рыба копчёная где-то была.

– Тьфу на неё. Я её видеть уже не могу. Три раза на день эта рыба. Да ещё и крабы. Фу, кошмар.

– Ничего, попадём на материк, будем лягушек есть. Они вкусные.

– А как же вы их готовите, если там огонь не горит?

– Увидишь.

– Сразу предупреждаю, сырое мясо я есть не буду.

– Не сырое, не бойся.

Колония птиц приближалась. Они начали взволнованно кричать, увидев плот. Часть из них поднялась в воздух и на бреющем полёте кружила над островом. Вблизи стали видны размеры зелёного острова. Он был большим, не меньше трёхсот метров в переднем крае. Его зелёная поверхность волновалась, довольно живописно играя красками. Зелёно-белые волны острова перекатывались раз за разом, гипнотически приковывая взгляд.

– Как красиво, – восхищённо призналась Анхелика. – А он выдержит меня?

– В широкоступях – легко, а босиком – как получится. Обычно толщина острова гораздо больше метра, но бывают рыхлые, а бывают плотные острова. Этот по виду рыхлый. На бедной воде вырос.

Остров и плот поравнялись. Крачки раскричались и взяли плот под наблюдение. Анхелика смотрела на невиданное зрелище с открытым ртом.

– Они могут напасть! – предупредил Иван. – Береги глаза.

Но опасность таилась в другом месте. Чьё-то огромное тело прошло под самым плотом, изрядно трягнув его. Прометей испуганно подскочил. Иван поймал потерявшую равновесие Анхелику за руку, и дёрнул на себя, не давая свалиться за борт.

– Ах ты, зелёнка! – понял ситуацию Прометей.

– Что это было? – испуганно произнесла девушка.

– Большая рыба, – ответил Иван. – Она тут охотится на мелких, которые щиплют остров снизу. Ты для неё тоже хорошая добыча.

Анхелика ничего не ответила. Она прошла в трюм и осталась в нём.

– Она так и готовить полюбит, – заметил Прометей шёпотом.

Иван согласно кивнул головой.

– А как же птицы? Куда они денутся, когда рыбы весь остров сожрут? – спросила, не выходя из трюма, Анхелика.

– К тому времени птенцы уже встанут на крыло и они всей колонией полетят искать другой остров.

Зелёный остров и крики крачек остались позади. Анхелика, наконец, нашла копчёную рыбу, нарезала её кусочками, настрогала солонины и подала обед. Прометей, перед тем, как начать есть, сам забрался в трюм и вынул оттуда мешочек с сушёным порошком из трав.

– Это приправы, – пояснил он. – Для разнообразия вкуса. Наши предки любили так делать.

Анхелика взяла мешочек в руки и засунула туда нос. Скривилась и чихнула.

– Сильно пахнет.

Прометей усмехнулся, взял щепотку приправ и посыпал на жирное мясо копчёной рыбы. Откусил и, причмокивая, стал жевать.

– Главное не пересыпать лишнего. Вкус надо не заменить, а дополнить, – пояснил Прометей.

Ивану было понятно, что все свои заумные фразы Прометей брал из книг. Он доверял написанному полностью, и безоговорочно принимал их, делая частью своей жизни.

Иван поступил так же, как и Прометей, посыпав свой кусок рыбы травой. Пылинки прилипли к ней и казались мусором. Откусил и пожевал. Вначале ему показалось, что травы сильно пахнут, но это быстро прошло и сочетание вкуса ему в итоге понравилось. Это было как с рисовым пивом. Пока он был маленьким, его воротило от горького вкуса, но став старше он понял его освежающую хмельную горечь. Вечером, после того как на работе сошло по семь потов, кружка холодного и горького пива казалась пределом желания и верхом вкусового блаженства.

Анхелика подозрительно долго не решалась откусить приправленный специями кусок рыбы. Наконец она решилась и откусила. Её взгляд перескакивал с Прометей на Ивана, будто она ждала, когда те рассмеются, поймав её на розыгрыше. Но никто не смеялся. Прометей, напротив, ждал ее реакции.

- Дрянь какая-то, – честно ответила Анхелика. – Без вашей травы вкуснее.
- Дело вкуса, – согласился Прометей.
- Да. Кому что нравится, – поддержал товарища Иван.

Дальше обед продолжился в полном молчании. Анхелика бросала взгляды на мужчин, и в её глазах светилось недоумение. Ей казалось, что Прометей только делает вид, что ему нравится ужасная на вкус трава, а Иван подыгрывает, не желая обидеть друга.

После рыбы долго жевали оленину. Её посыпать приправой не стали, хотя она точно нуждалась в дополнительном вкусе. А вот чай у Прометя был хорош. Тут Анхелика была солидарна и пила его, прикрыв глаза от удовольствия.

На горизонте показался зелёный берег острова Вайгач. Солнце уже давно перешло середину неба. Его сияние вибрировало и расплывалось во влажной атмосфере. Иван и Прометей налегли на вёсла.

- Правее ушли, – Прометей заметил это по привычным ориентирам на берегу.
- Это из-за острова, наверное, – догадался Иван.
- Ладно, тут течение у берега идёт, как раз на восток. По нему и доберёмся.

Когда линия берега и даже белые барашки волн, разбивающиеся о берег стали хорошо видны, плот, в самом деле, подхватило течение и понесло на восток. Прометей правил к берегу, чтобы пересечь его в нужном месте. Тюлени и моржи, греющие толстые бока на берегу, провозжали взглядами людей. Для них человек почти перестал существовать. Из родовой памяти стёрлись воспоминания о том, что человек был самым опасным хищником, и теперь через пляж с греющимися моржами можно было идти совершенно спокойно. На человека смотрели, как на муху, или даже как на менее значимый раздражитель, чем муха.

Показались знакомые очертания берега. Прометей и Иван налегли на вёсла, выгребая к месту стоянки. Плот мягко сел на отмель галечного берега. Иван соскочил с плота, подтянул его за верёвку, насколько хватило сил. На обратной стороне верёвки был привязан металлический колышек. Иван, большим булыжником, вколотил его в гальку.

- Слезайте, – разрешил он, когда убедился, что колышек сидит крепко.

Анхелику пришлось подстраховать. Она боялась ступить в воду. Иван взял её на руки и поставил на сухое место.

- И где же ваша заимка? – спросила она.

– Надо будет ещё немного потопать ножками, – предупредил Иван. – Тут опасности нет никакой, только дождь.

Прометей промокнул кусок тряпки горючей жидкостью и промазал ею носовую часть плота, после чего привязал к колышку, на котором держалась лодка.

- Чтоб моржи не лезли, – пояснил он свои действия. – Иначе разгребут нам все припасы.

Троица налегке направилась вглубь зелёного острова. По сравнению с климатом посёлка, расположенного километров на сто пятьдесят севернее, на Вайгаче чувствовалась близость материка. Воздух был влажнее, несмотря на то, что было тепло, трава у земли была мокрой, как от выпавшей росы. Кое-где жижа чавкала под ногами. Камни, что когда-то выступали гранёными краями над землёй, из-за обильно наросшего на них мха казались одетыми в мягкие зелёные шапочки. Прометей надёргал с них пучки влажного мха и сложил в походную сумку.

- Пригодится когда-нибудь, – сказал он.

Уже вечерело. Северное солнце опускалось к горизонту. В плотной влажной атмосфере планеты это выглядело так, словно жёлтый шар, похожий на желток в яйце, прорвался и растёкся по горизонту, прежде чем исчезнуть за тёмной границей. Предки, видевшие старые закаты и дожившие до радикального изменения климата, называли новый закат оптической иллюзией. Ивану, а особенно Прометею, хотелось увидеть старый закат. Им думалось, что он был маняще красивым, почти сказочным и немного чужим.

До ночи троица дошла до места назначения. Это была лощина, и один из её краёв был скалистым. Камни, как и везде, заросли мхом и почти не выделялись на общем зелёном фоне, тем более в сумерках.

– Добро пожаловать в наше секретное место, – Прометей провёл рукой, зацепил и сдвинул в сторону плоский кусок камня. За ним чернел тёмный провал.

– За раскрытие секрета смерть! – грозно произнёс Прометей.

– Я никому не скажу, – почти обиженно пролепетала Анхелика.

– Я за неё ручаюсь, – поддержал подругу Иван.

Прометей нырнул внутрь первым. Иван подождал, когда в темноте появится огонёк света. Та же вонючая горючая жидкость служила здесь источником света. Прометей зажгёт сплюснутый сосуд, похожий на тот, что был у них на плоту, только меньше.

– Проходите, не стесняйтесь, – пригласил он.

Иван пропустил Анхелику, а сам забрался следом. В маленькой тесной пещерке было уютно. Она была обжитой. В ней был порядок, стояла какая-то утварь.

– А зачем мы сюда приплыли? – поинтересовалась Анхелика.

– Здесь у меня есть кое-что, что может помочь в дальнем путешествии, – интригуяще ответил Прометей.

– И это тоже секрет? – догадалась Анхелика.

– Скоро перестанет им быть. Когда вернёмся. Это... – Прометей открыл железный бочонок из нержавеющей стали, – уксус.

– А что это? – удивилась Анхелика.

– Это кислота, получаемая из ягод.

– Кислятина? – не поняла незнакомого слова Анхелика.

– Ну, да, кислятина, – Прометей понял, что не все просиживали штаны и юбки в библиотеках.

– А зачем она?

– С её помощью можно готовить сырое мясо без огня. Это тот случай, который пригодится нам на материке. Вонючую жидкость уже давно не производят, а уксус можно делать сколько угодно.

– Ты это на подлодке прочитал? – уважительно спросила девушка.

– А где же ещё? Всё оттуда. Проверил, работает. Процесс называется маринованием. Кислота воздействует на мясо почти как кипяток. Мясо становится белым и более мягким, почти как варёное. Проверено на лягушках. Ммм, объеденье.

– А чего же ты сразу не рассказал людям про уксус? – удивился Иван.

– Ну, во-первых, не знал, получится ли он у меня. Зачем людей лишний раз дразнить. Вдруг не получилось бы? Зачем им давать лишний повод оскорблять себя? Во-вторых, хотел оставить за собой козырь, на случай если меня решат изгнать или будут как-то гнобить.

– А можно попробовать? – спросила Анхелика.

– Пробуй, только тут чистый уксус. Макни палец, – предложил Прометей.

Анхелика макнула палец в бочонок и облизала его. Её передёрнуло.

– Бррр, кислятина! И пивом пахнет.

– Вином, – поправил Прометей. Он завинтил назад пробку и убрал бочонок за спину.

– Уксус надо экономить. Чтобы его получить, требуется слишком долгий процесс.

– А мы что, ночевать здесь будем? – на девушку уксус не произвёл большого впечатления. Комфортная ночёвка беспокоила её гораздо больше.

– Здесь, а то где же? – удивился Иван. – На тебя изначально не рассчитывали, а вдвоём здесь места хватает.

– А может быть, вернёмся на плот? – Анхелика засомневалась, что у неё получится уснуть в каменном склепе.

– Нет! – отрезал Прометей. – Здесь слишком много сов. На материке им мешает охотиться туман, а тут раздолье.

– А почему у нас нет сов? – спросила Анхелика.

– Не знаю. Если не веришь мне, можешь идти одна, – ответил Прометей.

– Не-е-ет, ни за что, – испуганно ответила девушка. – Я и дорогу не запомнила.

– То-то же, сиди и слушайся старших, – посоветовал ей Иван и незаметно получил локтем в бок.

Солнце зашло совсем. На остров легла тьма, полная ночных звуков. Только самые яркие звёзды просвечивали сквозь плотную атмосферу, насыщенную влагой. Над посёлком небо было чище, а над северной оконечностью северного острова Новой Земли ночное небо было совершенно ясным и усеяно бесчисленным количеством звёзд.

Прометей прикрыл пещеру наполовину плоским камнем и сам лёг у входа. Анхелику положили у стены. Её напугали истории про сов и демонстрация шрамов на спине Прометея.

Жуки и мошкара вились у самого входа, но не залетали внутрь. Запах горячего отпугивал их. Первым засопел Иван, а за ним и его подруга Анхелика. Прометею не спалось. Он прокручивал в голове варианты предстоящих событий, думал об ответственности за своих напарников:

«Без них было бы гораздо спокойнее, но одному за всем не поспеть. Кто-то должен править плотом, а кто-то отдыхать, или же выгребать вдвоём в случае непредвиденной ситуации, такой, как шторм. В одиночку никак не справиться. Если бы не Анхелика, то можно было бы вообще не переживать».

Вскоре сон сморил и Прометея. Он уже почти уснул, но неожиданное чувство тревоги разбудило его. Он почувствовал, как кто-то большой мелькнул рядом, бесшумно, как тень.

Прометей нащупал камень. Глаза привыкли к темноте и взгляд различал перед пещерой некоторые детали.

– Умм! – раздался рядом глубокий звук.

Иван перестал храпеть.

– Сова? – тихо спросил он.

– Угу, – изобразил совиный крик Прометей. – Думает, как нас отсюда выковырять.

– Острогу надо было с собой брать.

– Да что уж сейчас об этом. Надо теперь думать о том, чтобы ей на ум не пришло звать подмогу.

– А что, бывало?

– Я тебе не рассказывал? Я с охотниками пошёл Обскую губу проверять. Мы решили, что там должно было размножиться много морского окуня, мальков отловить, да копчёнки заготовить. А там шиш, всё заросло сплошным ковром. Короче, охота не удалась. И встали мы на ровном месте на ночёвку. Само собой, про сов знали, туманы там ещё не такие, как на материке, так, дымка одна. И вот ночью нас стала одолевать сова. Раз ткнулась на пику, второй. Улетела, мы подумали, что прогнали, а потом она вернулась с подмогой. С десяток, не меньше. Вот это было побоище. Пока огонь не развели, так они нас и пытались атаковать.

Прометей замолчал.

– Давай зажжём. Страшно как-то.

– Давай.

Прометей зашумел, пытаясь нащупать цилиндр с горючей жидкостью. Тут и Анхелика проснулась.

– Что случилось? – почувствовала она тревогу, витавшую в воздухе.

– Сова рядом, – ответил Иван.

Прометей чиркнул кремнем и высек искры. Тряпка затлела и нехотя разгорелась. Прикрывая огонь ладонью от сквозняка, Прометей поднёс его к выходу. Убрал ладонь, и свет

лампы отразился в двух огромных глазах, горящих прямо у входа. Вздогнули все, но закричала только Анхелика. Глаза бесшумно исчезли.

Иван закрыл ладонью рот подруги.

– Тише ты, дура! Сейчас все совы с острова будут здесь.

Анхелика кое-как успокоилась. Прометей отдал Ивану лампу, а сам задвинул камень, оставив небольшую щель.

– Ну, всё, опасность миновала. Теперь можно спокойно спать до утра, – произнёс довольный Прометей. – Спокойной ночи.

– Вы меня что, специально пугали? – сквозь плач спросила девушка.

– Нет. Мы же не знали, что сова прилетит.

– Злые вы! – Анхелика кого-то пнула в темноте.

– Спи уже, – ответил Иван. – Тебе ещё завтра готовить.

Уснула Анхелика не скоро. Даже во сне её мучила тревога и страшные видения. Наступление утра она восприняла, как начало времени, когда не так страшно.

Команда покинула пещеру, гружёная бочонком с уксусом и остатком запасов горючего. Это была последняя запланированная стоянка на берегу.

Глава 5

Вибрирующий гул горы и вой ветра постепенно перестали восприниматься всеми, кто был в убежище. Нельзя было с определённой уверенностью сказать, есть шум или только вибрирует скала. Приходилось прислушиваться или притрагиваться к каменным стенам, чтобы почувствовать лёгкую вибрацию. Люди пытались общаться между собой, громко крича на ухо. Зураб повторил свою просьбу разложить содержимое рюкзаков. Стихия бушевала вторые сутки и конца ей не было видно. Как руководитель он хотел знать, каким продовольствием они располагают и, соответственно результату, вычислить минимальную норму потребления.

Неожиданно появились противники такого подхода. Петро и Михаил наотрез отказались добавлять свои запасы к общим. Зураб и Стас попытались урезонить их, мотивировав тем, что ситуация не предполагает какого-то индивидуального способа выживания в сложившихся условиях, но переубедить настырных мужчин не удалось.

– Тогда, и общее вам не достанется – ни вода, ни еда. И места у вас будут с краю, отдельно от всех, – предупредил Зураб.

Петро и Михаил хотели возмутиться, но подумав, решили что держаться в стороне от общей группы будет правильнее. И та и другая сторона могла начать подозревать друг друга в воровстве. Бизнесмены, привыкшие считать любую мелочь, видимо решили, что вкладываясь в общее, они больше теряют, а это шло вразрез с их принципами.

Вадим и Вика находились как раз с краю. Они протиснулись в центр убежища, а Петро и Михаил заняли их место. Вадим выложил банки и пакеты из своего и Викиного рюкзака в одну кучу. Они решили, что у них теперь всё общее. Стихия словно подстегнула их к сближению. За сутки их отношения от первых робких предположений о возможности быть вместе, добрались до момента, соответствующего ярким первым встречам или помолвке. Причём они даже не пытались разговаривать на эту тему. Всё происходило молча и одновременно в обеих головах. Испытания и трудности сократили этот период раз в сто.

Зураб и Стас, как два заправских кладовщика, проводили инвентаризацию. Стас в свете фонаря разбирает кучки продовольствия, а Зураб записывает их содержимое в свой телефон. Для общего настроения группы, всё больше склонившейся к унынию и нездоровым мыслям, работа инструкторов создавала иллюзию некоторой определённости и уверенности. Москвичи, со стороны которых можно было ожидать некоторого индивидуализма, на удивление полностью приняли правила игры, предложенные инструкторами.

Особенно хотелось отметить Софью. Она не покидала раненного Марка всю дорогу. Мерила ему температуру, поила водой, приподнимая голову, пока Виктор не попросил Татьяну придти ей на смену. В конце концов, Марк был её знакомым, и само состояние девушки требовало какого-то участия в процессе, чтобы выбить из головы депрессивные мысли. К исходу первых суток Марк очнулся. Открыл глаза и долго водил ими по темноте убежища, пытаясь понять, где он находится. Татьяна что-то кричала ему в ухо, но по выражению лица Марка было понятно, что он ничего не понимает. Раненого напоили сладкой водой, растворив сгущёнку в воде. Он попил и снова уснул.

По времени должна была наступить ночь, но она будто и не заканчивалась. После ужина, рассчитанного Зурабом, Вадима и Вику потянуло в сон. Они совершили вечерний моцион наружу, чтобы не беспокоить себя во время сна и стали готовиться. Ощущение вездесущей влаги притупилось. Вадим разложил две пенки на пол, постелил на них рюкзаки, в изголовье набросал мокрых тряпок. Вика легла к нему спиной, Вадим прижался, чтобы их тела грелись друг от друга. Сон – это то, что было сейчас нужно. Закрыв глаза можно было легко представить себя в другом месте и в другой ситуации.

Не все последовали их примеру. Татьяну всё ещё мучили страхи и сожаления, перебивая все остальные чувства. Петро сокрушался из-за потерянного бизнеса, злость застила ему разум. Вячеслав страдал клаустрофобией. До настоящего момента она проявлялась слабо, но здесь прогрессировала с каждым часом. Потолок и стены давили на него, сжимали, заставляя думать о спасении вне убежища.

Зураб со Стасом поделили смены, чтобы не оставлять группу на произвол судьбы. Первая смена была за Зурабом.

Вика спала чутко. Вибрации стен гасились пенкой, но воздух тоже дрожал, что ощущалось поверхностью кожи и даже ресницами. Рука Вадима, лежащая на ее теле придавала спокойствия, поэтому раздражители находились на втором плане. Однако необычный шум заставил её проснуться. Ей показалось, что она услышала нечто похожее на звук лопающегося стального троса. В деревне ей довелось видеть, как один трактор тащил другой, а трос не выдержал и лопнул с отрывистым щелчком. Вика подняла голову и посмотрела из стороны в сторону. Кажется, кроме неё щелчка никто не услышал. Рядом с единственным источником света виднелось лицо бодрствующего Зураба. Он спокойно смотрел в свой телефон. Вика подумала, что ей почудилось. Опустила голову на мокрую грудь тряпок и снова заснула.

Новое утро разбудило не только её, но и всех, запахом кофе. Непривычным и таким ностальгически далёким, будто в последний раз этот напиток они пили в прошлой жизни, а не каких-то два дня назад. Кофе досталось всем, кроме Михаила с Петром. Они пили свою воду и завистливо поглядывали на остальных. К кофе полагалось по два печенья, либо по одному кусочку рулета. Вика взяла два печенья, а Вадим рулет, чтобы попробовать и того и другого. С кружкой горячего кофе заключение в убежище не выглядело таким уж невозможно тяжёлым.

Тут из группы уфимских менеджеров пришла новость, что у них есть с собой экшн-камера. Про неё они вспомнили не просто так, а после идеи заглянуть наружу, сквозь поток воды, отделяющий их от внешнего мира. Интерес к этой теме оказался огромным. Мужики тут же начали выдумывать крепкую конструкцию для крепления её к трекинговой палке. На тех ремешках, что шли в комплекте для крепления к шлему или плечу, крепить было нельзя. С них её точно сорвало бы. У Юрия, помешанного на фотографировании, нашлись всякие струбины для создания штативов. Примерили их так и сяк, и в итоге получился удлинитель из трёх стянутых между собой скотчем и ремешками трекинговых палок. Камера крепилась в распорке между всеми тремя палками в самом окончании. В одном месте её непромокаемый кофр был стянут струбиной и для верности усилен ремешками.

Изобретение вначале проверили в убежище. Всё работало как надо. Оператором вызвался Юрий. У него, как он сказал, были самые развитые навыки операторской работы и самые длинные руки. На всякий случай хомут от каждой палки накинули ему на кисть, чтобы не потерять драгоценное оборудование. Камеру включили. Юрия страховали Зураб и Виктор. Оператор лёг на пол убежища и пополз к выходу. Он решил достигнуть самой границы потока, а потом вытянуть наружу импровизированный монопод. Палка и рука вместе составляли два с половиной метра. Хотелось верить, что это длины будет достаточно.

Водяная взвесь густела, становилось тяжело дышать. Лёгкие реагировали на неё, как на первую затяжку сигаретой, рефлекторно сокращались, чтобы не впустить внутрь враждебную среду. Гул падающей воды нарастал. Взвесь заменили брызги, больно бьющие в лицо. Юрий готов был поклясться, что вместе с брызгами летят и более твёрдые предметы, так они впились в кожу.

По голове, больно, как палкой, ударила тугая струя. Юрий беззвучно чертыхнулся, отполз на безопасное расстояние и стал понемногу травить самодельный монопод. Сила потока сразу заставила его усомниться в надёжности конструкции. Штатив рвало из рук, и чем дальше, тем сильнее. Падающая вода неравномерно била по нему, отчего держатель пытался вырваться рывками. Юрий стиснул зубы и обеими руками, что было сил, удерживал его.

Всё, дальше двигаться было опасно. Ладони попали под струю и начали терять чувствительность из-за тугого потока, похожего по действию на электрический разряд.

Юрий решил досчитать до тридцати, прежде, чем начать пятиться. Но досчитал только до двадцати пяти, поняв, что больше держать монопод не получится. Руки совсем потеряли чувствительность. Он пополз назад. Виктор и Зураб поняли его движение и затащили внутрь. Мокрый Юрий наконец-то вдохнул нормальный воздух. С волнением затащил в убежище монопод. Камера на вид была жива. Лампочка записи мигала синим цветом. Камеру быстро отсоединили и отдали уфимцам, знающим как ей пользоваться. Максим включил экран и отмотал до того места, где Юрий начал проталкивать её вперёд.

На экране ничего не было видно, одни серые сполохи. Но вдруг картинка начала светлеть, будто экрану добавили яркости. Она становилась светлее и светлее. Народ впился глазами в малюсенький экран камеры в ожидании развязки. Неимоверно сильно хотелось увидеть то, что скрывалось за этим потоком, отрезавшим их от внешнего мира.

– Всё! – крикнул Юрий. – Дальше я не смог продвинуться!

Картинка показывала размытое пятно серого цвета, будто камеру опустили в стиральную машинку с грязной мыльной водой. Кто-то разочарованно вздохнул, кто-то поймал себя на мысли, что так и знал, что ничего из этого не выйдет. Вадим пришёл к двум выводам. Первое – снаружи всё-таки светло, и второе – толщина потока воды больше двух с половиной метров. Откуда взялись эти хляби небесные, чтобы вторые сутки непрерывно заливать ими землю? Ясно, что солёная вода может браться только из мирового океана, тем более в таких количествах. Какой тогда силы был ветер, чтобы нести её тысячи километров? Умопомрачительность напрашивающихся выводов заставляла искать другие варианты, более привычные, но менее правдоподобные.

На время в убежище воцарилось молчание и бездействие. Первое было следствием того, что людям требовалось переварить полученные результаты, дабы прийти к каким-нибудь выводам, второе – просто потому, что делать особенно было и нечего, кроме, как встать и размять затёкшие ноги.

В атмосфере тишины и спокойствия вдруг снова отчётливо послышался резкий щелчок. На этот раз его слышали все. Люди закрутили головами, пытаясь понять его причину. Это было ещё не всё. Гора как будто вздохнула каменными лёгкими. Вздох был похож на стон, помноженный на миллион исторгнувших его глоток. Жуткий, не предвещающий ничего хорошего. Стихия испытывала гору на прочность.

В убежище стало тихо. Вой ветра снова вышел на первый план. Он выл, как баньши под дверью, предупреждая обитателей убежища о том, что смерть уже вышла за ними. Барабанные перепонки от непрекращающегося гула начинали болеть. Почти все догадались заткнуть уши, чтобы не лишиться слуха.

После щелчков и вздохов убежище, больше не казалось Вике надёжным. Она непроизвольно прислушивалась к звукам, идущим изнутри горы. Ей чудилось, что она слышит и даже чувствует поскрипывания, треск, хруст и тяжкие вздохи. Она хотела спросить Вадима о том, слышит ли он эти звуки, но не стала этого делать. Если он подтвердит, то станет ещё страшнее. Пока же она могла списывать всё на игру своего воображения.

Вадима беспокоили другие мысли. Он пытался вспомнить, на какой высоте от уровня реки находилось убежище. В сумерках, да ещё в той спешке, он не успел заметить, как высоко они вскарабкались. Плато представляло собой возвышенность огромной площади, изрезанную реками. Если такой поток воды сходил одновременно в долины рек, то они могли быстро заполниться водой. С горными реками это случалось часто. Сильный проливной дождь моментально наполнял их, увеличивая русла в десятки раз за одни сутки. То, что сейчас происходило снаружи, нельзя даже было назвать ливнем. Там происходил настоящий потоп.

Вадим не выдержал своих собственных заключений и решил узнать о них мнение у Зураба. Вика вопросительно глянула на Вадима, когда он поднялся. Тот жестом показал ей не беспокоиться и отправился к Зурабу, протискиваясь между отдыхающих туристов. Инструктор что-то набивал пальцем на экране телефона. Вадим тронул Зураба за плечо. Он поднял голову и вопросительно кивнул. Вадим показал на телефон, а потом пальцем на ладони, изобразив желание что-то написать. Зураб протянул телефон.

«Я думаю, что вода скоро начнёт заполнять долины рек. Как высоко мы находимся?» – написал Вадим и отдал телефон Зурабу.

Стас тоже наклонился, чтобы прочесть. После прочтения, они переглянулись с Зурабом.

«Примерно, триста метров. О своих выводах пока никому не говори» – написал Зураб.

Вадим понял, что его предположения верны. Они находились в ловушке. Если ветер не прекратится, вода непременно дойдёт до их уровня, и тогда им придётся выбирать из двух зол – утонуть или погибнуть под градом камней. Выбирать не хотелось. Хотелось жить, особенно после того, как он встретил Вику. Настоящая ирония судьбы – встретить её накануне смерти.

Вика ждала результатов разговора с инструктором, вынув ватку из уха.

– Ничего интересного, так, поболтали просто. Узнал, как высоко мы находимся, – соврал Вадим.

Вика попросила Вадима тоже вынуть вату из уха.

– Гора скрипит, я слышу! – нотки волнения чувствовались даже в крике.

– Это тебе кажется! Всё хорошо! Скоро обед!

Вадим легонько, играючи, щёлкнул Вику в нос. На неё этот жест подействовал успокаивающе. Её отец иногда делал так. Со стороны Вадима этот жест выглядел как проявление отцовства, как освобождение от некоторой ответственности. В нынешнем случае заботу о безопасности брал на себя Вадим, а её роль была в том, чтобы его слушаться. Распределение ролей в такой экстремальной ситуации показалось ей естественным и правильным, что ещё больше укрепило в ней мнение о том, что Вадим – достойный мужчина.

Безделье вызывало голод. На часах было двенадцать дня, а желудок уже требовал пищи. Вадим решил занять себя физическими упражнениями. Он осторожно отстранился от задремавшей Вики и сделал несколько приседаний. Покрутил плечами, сделал наклоны, потянулся. На всё ушло не больше пяти минут. Голод и не думал проходить.

Петро и Михаил не подчинялись общему графику. Они, повернувшись спинами к остальным членам группы, уже обедали. Вадим подошёл к стене и приложил руку. Высокочастотная вибрация ощущалась подушечками пальцев. Как долго камень мог сопротивляться несвойственным для него нагрузкам? Он ведь не был пластичным, чтобы выдержать резонанс. Вадим отогнал дурные мысли, считая их вызванными не здравым смыслом, а депрессивными внешними факторами. Однако он достал фонарь, чтобы осмотреть стены. К собственному успокоению, ничего подозрительного он не обнаружил. Стены и потолок выглядели целыми.

Вика тоже встала и сделала зарядку. Вадим повторил вместе с ней ещё раз. Один за одним горе-туристы поднимались и разминали свои затёкшие члены. Настроение немного улучшилось. Время до обеда пролетело быстрее. Зураб дал отмашку и начал разогревать еду в банках. Аромат тушёнки разлетелся по тесному убежищу. Как в армии, народ подходил к «полевой кухне» и получал свою пайку. Тёплая тушёнка, подогретая в банках и четвертинка от куса лапши быстрого приготовления. Лапша хрустела на зубах, но на это никто не обращал внимания.

Вадим мельчил, загребал тушёнку кончиком ложки и, смакуя её во рту, наслаждался вкусом. Он намеренно растягивал время обеда, чтобы занять себя. Безделье и ожидание снова грозили увлечь в дурную трясину негативных мыслей. Вика уловила идею Вадима и тоже подстроилась под его размеренный темп обеда.

В мыслях каждого члена группы жила надежда на то, что стихия может скоро прекратить своё буйство. Некоторая часть внимания всегда находилась в подсознательном наблюдении и ожидании признаков заканчивающейся непогоды. А стихия всё продолжала приносить пугающие сюрпризы.

Около четырёх часов дня откуда-то сверху донёлся скрежет. Он стремительно опускался вниз, и в момент кульминации, когда звук поравнялся с убежищем, что-то большое и тяжёлое ударило по полу. Никто не успел увидеть или понять, что это было. Не успели люди отойти от шока, как часть потолка, скрытая в тумане водяной взвеси, обрушилась вниз. Камни и вода полетели в убежище. Никто не пострадал, но на этом проблемы не закончились. Падающий сверху поток воды стал ближе. Теперь часть убежища находилась под обстрелом тугими струями разбивающейся воды.

Народ потеснился ещё сильнее. Из тумана вытащили камни и выложили из них небольшой «отбойник», спасающий от разлетающихся капель. Это немного помогло. Бедного Марка, снова пришедшего в себя после того, как его обдало водой, усадили, привалив спиной к стене. Так он занимал меньше места. Софья напоила и накормила его, а он, дико озираясь по сторонам, снова пытался понять, что происходит.

Происшествие вновь дало пищу для мрачных предположений. Слабее всех нервы оказались у подруги Марка, Татьяны. Стас, приглядывающий за девушкой, сразу после происшествия заметил в её глазах безумное выражение, как у наркомана или сильно пьяного человека. Взгляд её остановился, глаза ничего не выражали, будто в них потух разум. Он решил предупредить Зураба, но в тот момент, когда он поднёс телефон товарищу, чтобы дать прочитать сообщение, Татьяна вскочила и бросилась наружу. Она не учла, что в этот момент, один из уфимских менеджеров, Руслан отошёл по маленькой нужде. Его страховал Вячеслав. Он не заметил, как мимо него тенью прошмыгнула Татьяна. Трекерная палка дёрнулась в руке, чуть не соскочив.

Вячеслав решил, что с его товарищем произошла непредвиденная беда, бросился на помощь. Татьяна ударилась о Руслана и они оба упали вперёд, под тугой поток воды. Парень хотел закричать от страха, но захлебнулся попавшей в рот водой. Ему вдруг подумалось, что от него захотели избавиться. Голова сразу пошла кругом от недостатка кислорода. Чьи-то руки схватили его за ступни и затянули внутрь. Руслан закашлялся, вода пошла из лёгких. От страха, а может быть от кашля, его вырвало.

Рядом с ним визжала и отбивалась от пытающихся её удержать рук Татьяна. Нервы у неё совсем сдали. Зураб не понимал, как можно её успокоить и резко шлёпнул ладонью по лицу. Шлепок было слышно всем. Татьяна замерла и уставилась на Зураба. Постепенно в её глазах появилось осмысленное выражение. Они наполнились слезами, девушка закрыла лицо руками и заревела.

Москвичка Вероника взяла её за руку и, поглаживая ладонь, стала успокаивать. Инцидент, кажется, был исчерпан, но слежение за Татьяной пришлось усилить. Собственно, усиленного внимания сейчас требовали практически все в группе, так как причин оставаться в нормальном состоянии было всё меньше. В убежище стало тихо, если не считать воя ветра, к которому все привыкли. И была эта тишина нервной, как будто набирала заряд для того чтобы разрядиться ярко и громко.

Стас перешёл в центр убежища. Время от времени он светил фонарём в лица, чтобы заметить неадекватное состояние. Кто-то смотрел прямо на свет, а кто-то отводил глаза и сразу попадал под подозрение. Зураб писал тем, кто окружал подозрительного человека, чтобы за ним присматривали. Вадима и Вику попросили присмотреться к Аркадию, тихому, незаметному парню из Уфы. В его взгляде было много обречённости.

Вадим решил, что присмотр – это всего лишь провоцирование человека на то, что он задумал. Чтобы вывести Аркадия из депрессивного состояния Вадим решил поговорить с парнем.

– Откуда ты? – крикнул ему на ухо Вадим.

Парень грустно улыбнулся. Было очевидно, что вопрос праздный. Все уже знали, кто и откуда прибыли в этот злосчастный турпоход.

– В шашки играть умеешь? – спросил Вадим, не получив ответа на первый вопрос.

– Умею. Не хочу.

Вадим взял с собой в дорогу набор из магнитных шашек и шахмат, чтобы коротать время.

Вика умела играть и в то и в другое, а Вадим – только в шашки.

– Не раскисай! Скоро всё закончится! – постучал парня по плечу Вадим.

– Откуда прогноз? – спросил Аркадий.

– Слышишь? – Вадим поднял палец вверх. – Стихает.

Ему на самом деле показалось, что вой ветра стал тише и глуше. Аркадий прислушался.

– Нет, всё так же, – прочитал ответ по губам Вадим.

Выгнать депрессию из человека, не желающего это делать – довольно бесполезное занятие. Аркадий отвернулся от Вадима, всем видом показывая, что не желает общаться.

– Не лезь к нему, – прокричала на ухо Вика. – Присматривай только.

– Чёрт с ним. Лучше к тебе буду лезть. Партеечку?

Вадим достал коробку с шашками-шахматами. Вика согласно кивнула. Под слабый свет фонаря, в котором горел только один диод, они начали «рубиться» в шашки. Как ни странно, их увлечённая игра заинтересовала Аркадия.

– Можно я сыграю с победителем? – попросился он, спустя полчаса.

– Можно, – Вадим освободил своё место. Он как раз только что продул Вике.

Пока его девушка и депрессивный менеджер занимались игрой, Вадим решил поговорить с Зурабом, единственным человеком, который по его разумению, просчитывал ситуацию.

Инструктор встретил его вопросительным взглядом.

– Я просто так! – прокричал Вадим. – Поинтересоваться, что ты думаешь обо всём этом. Мне показалось, что шум изменился, стал глуше.

– Мне тоже! Я подумал, что это перепонки сдают. Выходит, что на самом деле так. Твои предположения?

– Не знаю! Уровень воды поднимается?

– Наверное! Хотя есть ещё одна версия.

– Какая?

– Гора пошла трещинами! В них попала вода и заглушила звук. Ну, ты понимаешь?

Вадим понимал. К этой теории можно было хорошо примотать щелчки и другие звуки, издаваемые горой. Вода могла прекрасно изолировать части горы и резонансный гул между этими частями. Хорошо было бы, чтобы такие трещины пролетали как можно дальше от их убежища.

– Не думал, когда эта хрень закончится? – Вадим кивнул в сторону выхода.

– Без понятия! – Зураб помолчал. – Как настроение у тебя и твоей девушки?

– Нормальное! За нас не беспокойся!

– Хорошо! Мы будем рассчитывать на вас!

– Без проблем! – Вадим пожал протянутую руку Зураба.

Он вернулся на место, где обнаружил довольно весёлого Аркадия. Кажется, он выиграл у Вики партию в шахматы. Это было невероятно, потому что у девушки был разряд, и достойного соперника для неё отыскать было трудно. Вика подмигнула Вадиму, и всё стало понятно. Это был её приём психологической разгрузки. Он сработал. Аркадий был весел. В его глазах

больше не светило тяжкое чувство беспросветной безнадёги. Вадим оставил их ещё на одну партию. Ему захотелось в туалет, и он попросил Вячеслава подстраховать его.

Поход по малой нужде стал довольно привычной вещью. Нужно было попасть в неприятное водяное облако, скрывающее от посторонних глаз, и справить свою нужду. И без того невысыхающая одежда за одну минуту становилась мокрой насквозь. Вадим предварительно расстегнул ширинку, чтобы не терять время на лишние манипуляции, взялся за трекерную палку и сделал шаг в водяную пыль. Звуки затихли в плотном воздухе, зато лучше стала восприниматься вибрация камня под ногами. Он дрожал под тяжёлыми ударами ниспадающих потоков.

Вадим почти закончил, когда гора снова решила напомнить о себе тяжким вздохом, пугающим до потери сознания. Опора под ногами вдруг перестала дрожать. Вадиму хватило мгновения, чтобы понять причину этого, но чтобы отскочить назад, времени уже не оставалось. Вадим развернулся и прыгнул, но ударился грудью о скалу. За пропущенную им секунду часть скалы, на которой он стоял, пошла вниз. Руки зацепились за край, ноги забили по скале в поисках опоры, из горла исторгся истошный и дикий вопль. Чьи-то руки нашарили его, крепко ухватили и потянули внутрь, царапая тело о свежие грани. Страх смерти застил все прочие чувства и боль.

Из тумана появилось испуганное лицо Вики. Она ухватила Вадима за рукав и помогла затащить внутрь. Обхватила его за голову и долгое время не отпускала. Вадим и не думал сопротивляться. Ему ещё мерещились холодные щупальца смерти, он находился в шоковом состоянии. Его сознание, как заведённое, вновь и вновь прогоняло в мыслях момент падения, пугая страшными картинками возможных последствий. Наконец Вадим поднялся и сел. Вика не отпускала его, смотрела в глаза испуганным, но тёплым взглядом.

Зураб и Стас проверяли трекерными палками пустоту, образовавшуюся на самом краю убежища. Водяная взвесь редела на глазах, открывая свету фонаря пропасть под ногами. Звуки поменялись. Над воем ветра возобладал гулкий мерный рёв падающей воды. Ещё через пять минут водяная пыль стала совсем редкой. За ней можно было разглядеть падающий сверху тёмный поток воды.

В убежище как будто стало светлее. То ли глаза привыкли к темноте и она уже не казалась абсолютной, то ли водная взвесь поглощала часть света и теперь её отсутствие оказало соответствующее влияние. Без фонаря можно было различить силуэт человека, особенно если он двигался.

Бездна у самых ног напоминала о хрупкости убежища. Народ сдвинулся к противоположной стене и сидел теперь плечом к плечу. Природа поступала с кучкой испуганных людей в лучших традициях фильмов ужасов, постепенно нагоняя саспенс. Стоило ненадолго успокоиться и почувствовать уверенность, как незамедлительно случалась новая порция пугающего действия. Из этого можно было сделать вывод, что природа решила потешить себя садисткой радостью медленной смерти «героев». Ни просвета, ни возможного варианта избежать злой участи не просматривалось.

В ожидании неизбежного подошло время ужина. С момента обрушения никто так и не решился сходить в туалет. От самой мысли встать у края становилось страшно. Вадим, немного отойдя от шока, решил, что он поступил правильно. Он не хотел в туалет, в отличие от остальных, борющихся между «терпением» и страхом. Зураб, самый смелый из всех, всё-таки подошёл к краю обрыва и посветил фонарём вниз. Затем погасил его и справил маленькую нужду. Водяная взвесь теперь маскировала не так, как раньше.

Стас достал газовую горелку и начал разогревать банки с тушёной. Народ задвигался, доставая свои тарелки и ложки. Вадиму пришла мысль, что народ не собирается помирать от голода. У всех глаза напуганные, но от еды отказываться никто не хочет. Он и сам, переживший шок, какого не испытывал ни разу в жизни, почувствовал, как желудок заурчал, требуя еды.

Удивительно, но Петро и Михаил отнесли все свои припасы в общую кучу. Переговорили с Зурабом и вернулись назад. Перед лицом смерти им вдруг пришло озарение, что материальные выгоды в смертельно опасных ситуациях – просто пустой звук. Гораздо надёжнее иметь хорошего товарища, который протянет руку, чем лишнюю банку тушёнки, заныканную на чёрный день. Их жест оценили, но всё равно на раздаче они оказались последними. Мужики не возражали, понимая, что теперь им надо заслужить уважение коллектива.

После ужина Стас отозвал Вадима и поднёс ему экран телефона. Там было написано: «Вода рядом и поднимается. Если ничего не изменится, то ночью достигнет нашего уровня».

Вадим несколько раз перечитал дурное известие. Оторвал глаза от экрана и вопросительно уставился на Стаса.

– Что делать? – спросил он одними губами.

Стас и Зураб пожали плечами.

Второй раз за день холодные щупальца смерти прикоснулись к душе Вадима. Но в этот раз ему было ещё страшнее, потому что предстояло ждать. Знать, что смерть неотвратима, надеяться на чудо, но в душе знать, что смерть неизбежна. Убежать отсюда, кроме, как на тот свет, было некуда. И ещё ему было обидно за Вику. Он не хотел, чтобы она умерла. Девушка была такой жизнелюбивой, что умереть в её возрасте было бы жутко несправедливо.

«Мы будем наблюдать» – написал на телефоне Стас. – «Пока никому не говори. Но будь готов»

Вадим согласно кивнул и вернулся на своё место. Вика вопросительно качнула головой. Вадиму хотел отмахнуться, но не получилось. Вика достала фонарь и осветила им в глаза. Яркий свет чуть не сжёг сетчатку. В глазах забегали световые пятна.

– Говори! – раздался голос Вики прямо у него в ухе.

– Мне сказали, чтобы я прикрывал тебя, когда ты пойдёшь в туалет! Видимость теперь хорошая! – соврал Вадим.

– Тогда пошли, а то я скоро лопну.

Они не дошли одного шага до края. Хорошо, что уклон пола был наружу. Ничего не затекало обратно. Вадим снял с плеч куртку и прикрыл ею Вику. Девушка справила свою нужду и, кажется, посидела ещё просто так. Вадиму показалась, что процесс занял у неё гораздо больше времени, чем обычно. Наконец Вика поднялась. Вадим будто пошёл за ней, но отстал, достал фонарь и осветил им вниз. Луч света отразился от неясного пенящегося потока. До него было ещё метров десять.

– Чего отстал? – спросила Вика.

– Посмотрел вниз!

– И что увидел?

– Ничего, глубоко очень!

Вадим позавидовал Вике. Для неё ожидание смерти не будет таким долгим, как для него. Девушка поправила свои вещи, подстелила под себя поудобнее и собралась спать. Вадим понимал, что сон к нему точно не придёт. Возможно, он доживает свои последние часы, и осознание этого начисто лишило его сна. Он решил, что будет при своей девушке как верный охранник. Даст ей безмятежно выспаться и разбудит только тогда, когда вода подойдёт вплотную.

Разбудил его жуткий выстрел, будто выстрелили из пушки прямо в ухо. В голове засветило, как от контузии. Вся группа подскочила. У кого остались фонари или телефоны, начали светить по сторонам. Вика подскочила, как и все, и сразу же почувствовала ледяной сквозняк прямо в лицо. Протянула в его направлении руку и наткнулась на щель в стене. Вадим в это время нашёл свой фонарь и осветил им. Через всё убежище, от пола по стене и через весь потолок прошла трещина, разделившая его на две равные части. Из недр горы сифонил ледяной, морозный воздух.

Вика стояла прямо посередине щели. Вадим дёрнул её на свою сторону и подтянул их вещи. Эта сторона почему-то показалось ему более надёжной.

Народ заволновался. Трещина могла разойтись дальше, а то и вовсе оказаться началом процесса разрушения. Каждый член группы решил поиграть в шоу «Интуиция» и выбрать правильную сторону. Почти все перешли на сторону, которую выбрал Вадим. Не последнюю роль сыграл в этом склад припасов, а также то, что опытный инструктор Зураб тоже находился там. Ему доверяли, хотя он на самом деле понятия не имел, какая часть убежища разрушится первой.

Зураба на самом деле больше беспокоила вода, которая подошла к самому краю. Минут через десять её поток должен был достичь уровня убежища. Народ набился плотно, как селёдки в бочке. О комфорте никто и не думал. Вадим проверил время. Было начало четвёртого ночи. Он прокрутил в голове последние события и не мог вспомнить, в какой момент уснул. Как будто бы и не помышлял о сне, был на адреналине и тут раз, выстрел. Хорошо, что вода не успела подойти раньше.

Вадим почувствовал позыв в туалет и знаками показал Вике, что отойдёт. Даже без фонаря стало ясно, что вода подошла к самому краю. Гулкий звук мощного течения у самого края обрыва заглушал все остальные звуки. Вадим посветил фонарём вниз и отшатнулся. Бурлящая, будто кипящая в котле вода, клекотала у самых ног. Волна страха ледяным сквозняком окатила прозябшее тело Вадима. Выхода не было никакого.

Гора вновь напомнила о себе тяжким стоном. В ноги ударило. Люди вскрикнули, хватаясь кто за стены, кто друг за друга. Вадим кинулся в толпу, чтобы успокоить свою девушку. Вика уже пробиралась ему навстречу.

– Больше не уходи! – крикнула она и крепко вцепилась в ладонь Вадима.

– Там, там вода рядом! – крикнул ей на ухо Вадим. – У нас несколько минут!

В темноте не было видно глаз Вики, но Вадим представил, как они расширились от страха и удивления. Его ладонь сдавили с ещё большей силой. И вдруг жаркий поцелуй нашёл его губы. Вадим опешил на секунду, но после короткого замешательства ответил с той же страстью. Ожидание смерти усилило их чувства многократно. Неотвратимость смерти подтолкнула к тому, чтобы за короткие минуты ожидания они хотели успеть дать понять друг другу силу тех чувств, которые испытывали. Хотели успеть насладиться друг другом. И самое главное, им казалось, что приняв смерть в объятиях друг друга, они и на тот свет попадут вместе. В эти секунды желание никогда не расставаться было наиболее сильным.

Пол снова, со скрежетом, качнуло под ногами. Кто-то из женщин взвизгнул. Часть людей попыталась прижаться к противоположной от трещины стене, но там уже было не протолкнуться. Зураб включил фонарь и по цепочке отдал приказ собрать рюкзаки. Народ забыл о них в суете, затоптал, и теперь пытался вытащить из-под ног. Михаил и Пётр стояли с краю, и когда получили приказ собрать рюкзаки, вспомнили, что они остались на другой стороне убежища.

Трещина раздалась на ширину ладони. Михаил опасно перешагнул через неё. В свете фонаря, в трещине, почти вровень с краями, светилась вода. Мужчина посветил фонарём в конец убежища. Там тоже уже собиралась вода. Их рюкзаки крутились в водовороте. Михаил выдохнул и в три больших шага оказался на другой стороне. Схватил намокшие рюкзаки и бегом рванул обратно. Ему показалось, что у него неожиданно закружилась голова. На самом деле это был короткий миг невесомости, вызванный тем, что пол убежища на его стороне опустился на пару метров.

Мужчина с головой ушёл под воду. От неожиданности он не успел закрыть рот и подавился солёной водой. Животный страх и сработавший инстинкт самосохранения заставили его замолотить руками, чтобы выбраться на поверхность. Сильный поток воды тянул его. Михаил оказался над водой, вдохнул воздух и закашлялся. В лицо ударил свет, как маяк для корабля. Он ещё сильнее забил руками, чувствуя, однако, что могучая сила потока не оставляет ему

шансов. Страх не давал времени на то, чтобы понять, что грести надо было не на свет, а к стене, где поток слабел и закручивался.

Товарищ Михаила, Петро, не выдержал зрелища погибающего на глазах товарища. Он продел одну трекерную палку в петлю другой, чтобы удлинить, толкнул Вадима и сунул ему в руки свою конструкцию. Вадим всё понял без слов. Петро спустился в воду, используя палку вместо верёвки. Её длины не хватило. Михаил барахтался, и с каждой секундой удалялся от края. Вадим просунул ещё одну палку в петлю. Конструкция приросла ещё полутора метрами. Петру хватило этого, чтобы поймать товарища за руку. Вадим потянул их к берегу.

Несколько пар рук вытащили из воды Михаила и Петра. Михаил, ещё не понимающий, что произошло, ударился головой о нависший потолок. Он опустился до уровня груди. О рюкзаках уже никто и не вспоминал. Михаил дико озирался. Его сознание ещё не вернулось на место. Петро выжимал свою куртку вместе со Стасом.

Вадим почувствовал, как под ногами стало холодеть. Он посветил вниз и увидел блестящую чёрную поверхность. Вода всё-таки дошла до уровня убежища. Народ заволновался. Зураб и Стас забивали рюкзаки провизией и раздавали их. Вадим повесил на плечи тяжёлый рюкзак. Был в этот момент некоторый самообман, будто они верили, что у них есть шанс в последнюю минуту выбраться из ловушки.

Вой ветра стих на фоне рвущего тело горы шума водного потока. Уровень воды поднимался на глазах. В свете фонаря казалось, что вода чёрная и холодная. Ноги ломило. Вадим поднимался с носков на пятки, чтобы согреть мышцы и попросил Вику делать то же самое. Они так и держались за руки, боясь разжать их. Страшнее всего было потерять друг друга в роковой момент, потому что тогда смерть лишалась хоть какого-то смысла. Тьма вокруг была похожа на одиночество души, потерявшейся после смерти. Совместная гибель представлялась единственным способом обрести счастье, которого они не успели получить в земной жизни.

Люди, запертые в каюте корабля, ушедшего под воду, и наблюдающие, как тает на глазах воздушный пузырь, горняки, в затопленной шахте, понимающие, что их могут не найти, одним словом все те, кто пережил ужас неотвратимого приближения смерти, поймут, какие чувства испытывали люди, оказавшиеся в ловушке. Как ни странно, но люди не поддавались панике. Виной тому была обречённость и понимание неизбежности смерти.

Полуживого Марка держали под руки Юрий и Виктор. Он открывал глаза, неуверенно водил головой, как пьяный, топтался, будто хотел выбраться из воды, а потом снова отключался. Некоторые завидовали Марку. Для него смерть придёт незаметно и без всякого ожидания.

Вода дошла до колен. Вадим предложил Вике забраться ему на спину, чтобы дать ногам на некоторое время согреться. Девушка категорически отказалась, прокричав Вадиму, что не собирается заезжать в рай на чужом горбу. А времени до открытия райских врат оставалось всё меньше.

Течение неожиданно принесло бревно. Ствол дерева ударился о нависший потолок опустившейся части убежища, где его и заклинило. Несколько фонарей упёрлись в него лучами. Бревно было сильно повреждено. Древесина на нём была взлохмачена, словно его пытались чесать огромной металлической расчёской. Стоявший на краю Стас протянул руку и провёл по древесине. В одном месте рука наткнулась на что-то жёсткое. Инструктор сдвинул в сторону древесные лохмотья. Из дерева торчал кусок железа. Стас расшатал его и выдернул. Посветил на него фонарём. Народ вытянул шеи, чтобы увидеть, что за находку обнаружил инструктор. На ладони у него лежал сломанный пополам рожковый ключ на десять. Выглядел он так, словно его вынули из эпицентра взрыва – весь в сколах.

Стас передал остатки ключа Зурабу. Тот повертел его в руках и покачал головой, словно находка подтвердила какие-то мрачные выводы.

«На вершинах плато не росли деревья, стало быть, его должно было закинуть наверх какой-то мощной силой, способной вырывать с корнем и размочалить. Кусок ключа указывал на то, что скорость ветра была выше, чем в его самых смелых предположениях» – невесело думал Зураб.

Гора снова застонала, как раненое животное. Стон перерос в душераздирающий крик. Убежище затрясло, как при девятибалльном землетрясении. Вадим прижал к себе Вику, накрыл ладонью её голову, словно надеялся спасти от падающего свода, а сам смотрел во все глаза, надеясь запечатлеть последние мгновения жизни.

Вторая половина убежища резко пошла вниз. Потолок ушёл под воду, обдав людей мощными брызгами. Крик на секунду заглушил остальные звуки. Скала пошла вниз. Её опускание спровоцировало подъём волны. Вадим сразу понял, чем это может обернуться. Он упёрся в пол трекерной палкой и приказал Вике крепче держаться за него.

Мощный поток накрыл группу. К счастью, люди были готовы и никого не смыло. Вода ушла быстро. Когда Вадим посветил фонарём в сторону, где ожидал увидеть стену, ему открылся огромный зияющий провал над головой. Он посветил вверх и влево. На месте ушедшей под воду скалы обнаружился проход. Фонаря не хватало, чтобы оценить его глубину. Рядом уже стояли Стас и Зураб. Их более мощные фонари осветили мокрые угловатые выступы. Это был самый настоящий подарок судьбы. Скала откололась таким образом, что прикрывала сверху от потока воды и в то же время позволяла подняться выше, давая надежду выжить.

Медлить было нельзя. Вода поднялась до пояса. Течение становилось всё сильнее, заставляя людей упираться, чтобы не быть смытыми потоком. Зураб первым перебрался за угол и осмотрел площадку. Ровного места для всей группы не было, зато была куча уступов, на которых могли поместиться по несколько человек. Сверху кое-где текла вода, но это были безопасные струйки, нашедшие себе путь в небольших щелях. Он вернулся, чтобы объяснить, каким образом переправиться в безопасное место.

За поворот отправили Вячеслава. Он должен был принимать людей, чтобы показать им, куда ставить ногу, перед тем, как подняться ещё выше. Вторым пошёл Максим. Его задачей было показывать второй уступ, на котором одновременно могли стоять до пяти человек. На него поставили Руслана, чтобы он показал другой уступ, уже человек на десять. Дальше не углублялись из-за нехватки времени.

Первыми пошли девушки. Парни страховали их и помогали не промахнуться. Вика прошла на самый дальний уступ и осталась с тревогой ждать Вадима. Хотелось верить, что они не просто отсрочили смерть, а избежали её.

На месте отколовшейся породы камни ещё хранили отрицательную температуру. Воздух быстро стал холодным. Во время дыхания изо рта выходил пар. Труднее всего оказалось переправить Марка. Для перемещения его беспомощного тела, весившего не меньше центнера, пришлось изготовить сцепное устройство из веревок и трекерных палок. Пришлось немного пополоскать Марка в воде, но по-другому переправить его за угол не получалось. Вода привела Марка в чувство.

Вадим появился минут через десять. Он обнял и поцеловал Вику. Следом появился Зураб. Нужно было выяснить, можно ли подняться ещё выше. Их фонари зашарили по стенам. Судьба сделала группе щедрый подарок, выхватив из скалы огромный кусок, защитив от подступающей снизу и падающей сверху воды. Может быть, это была отсрочка, но кто от неё откажется?

Скала поднималась вверх крутыми уступами. Самым главным было то, что она углублялась внутрь, и запас для подъёма был большой. Свет фонарей не доставал до стены, которую можно было бы считать концом углубления. Зурабу не терпелось подняться выше, но для некоторых спасение обернулось полной потерей сил. Нужда проявлять стойкость отпала и большая

часть группы находилась в состоянии расслабления. К тому же ещё была ночь, и физиологические часы требовали отдыха для тела.

Вадим был солидарен с Зурабом. У инструктора имелся большой опыт путешествий в горах, так что подъём для него был привычной вещью. Вадим полностью полагался на его умение. При помощи палок и верёвок они страховали друг друга. Метрах в десяти правее большого выступа находилась неплохая площадка, правда с сильным уклоном наружу. Подмёрзшая на поверхности вода превратила её в каток. Поднялись ещё выше. Там оказался целый массив небольших площадок. Они были неудобны для организации общего питания и какого-то экстренного взаимодействия. Некоторые к тому же казались чересчур хлипкими.

Отдыхались, съели один шоколадный батончик на двоих и поднялись одним рывком ещё выше, метров на пятьдесят. Уклон сделался более пологим, ступать можно было с меньшей опаской. Зураб, благодаря своему опыту, сделал наблюдение:

– Это не свежий скол! – крикнул он на ухо. – Смотри, граней нет, зато есть потёки!

– Что это значит?

– Здесь была пещера! Без выхода наружу!

Вадиму подумалось, что пещера – это хорошо. По крайней мере, в ней можно было отси- деться с большим комфортом, а не как городская ласточка, на «прилипушках» да на малень- ких пятачках вдоль стен.

Пещера оказалась извилистой кишкой с расширением метрах в пятидесяти выше. В рас- ширении, имевшем до пяти метров в поперечнике, пол был относительно ровным и не таким холодным, как снаружи. Порода, выстилающая его, на вид была мягкой и более тёплой. Место для стоянки было идеальным.

Завершилась пещера через метров двадцать, сойдясь в «чулок», в который пролезала только рука. Разговаривать в пещере оказалось проще. Вой ветра здесь заглушался больше, чем вполтину. С непривычки вообще казалось, что его не слышно.

– Охренеть! Ещё три дня назад понятия о комфорте у меня были совсем другими! – почти не напрягаясь, произнёс Вадим. – Я рад этой пещере так, как не радовался бы трёхкомнатной квартире, выигранной в лотерею.

– И не говори. Час назад мы готовились умереть. После этого радоваться будешь чему угодно.

– Да, я буду рад уже тому, что смогу ходить в сухой одежде.

– Точно. А я почти перестал замечать это, если бы не мороз.

– Пока нас никто не слышит, Зураб, что ты думаешь обо всём, что происходит? – серьёзно спросил Вадим.

– Думаю, что происходит самый настоящий конец света.

– Везде?

– Не знаю, но думаю, что на большой территории. По крайней мере, из того, что мы узнали до того, как ветер дошёл до нас, в Америке это началось раньше.

– Кабздец! Что со страной стало-то?

– Не знаю. Не хочу думать, пока глазами не увижу, – ответил Зураб.

– Твои-то родители где живут?

– В горах.

– Везёт.

Зураб промолчал.

Глава 6

Прохладный утренний ветер быстро отогнал плот от берега. Море у Вайгача было темнее, чем у Новой земли, похожее на кисель из голубики. Анхелика набрала воды в ладонь, рассматривая, как много в ней грязи.

– За Вайгачом сплошные болота. Прямой дороги на материк нет, – объяснил Прометей.

– А как определить, где есть дорога? – любопытно спросила девушка.

– Есть признаки всякие.

– Обычно белухи в таких местах попадаются. Они за осетрами на материк ходят, – ответил Иван.

– Там, где в море впадают реки, почти не бывает языков из водорослей, – назвал ещё один признак Прометей. – А если на материке туман, то над реками он всегда реже, а над болотами гуще.

– А реки широкие?

У Анхелики было своё представление о реках. Рядом с посёлком протекали всего лишь две небольшие речушки.

– Огромные. Там, куда ходят охотники из посёлка, есть река, которую ещё никто не сумел переплыть.

– Такая огромная? – вытаращила глаза девушка.

– Да, она очень широкая, но проблема не только в ширине. Она слишком опасная.

– Там водятся чудовища?

– Там рыбы размером с лодку, а то и больше. Помните мичмана Алексея?

– Конечно! – удивилась Анхелика. Любая смерть в посёлке была таким происшествием, о котором потом долго вспоминали и говорили.

– Я сам не видел, но старшина Фрэнк рассказывал, что в лодку снизу ударило с такой силой, что Алексей подлетел на несколько метров, и упал за борт. В том месте, где он упал, вода взволновалась так, будто там заворочался кит. Больше мичмана никто не видел.

– Надо, конечно, поделить эту историю как минимум наполовину. Какой охотник не сбредёт? – пояснил Иван. – Может быть, и не подлетал он, а просто свалился. Но факт, остаётся фактом – лодку кто-то толкнул, а она не маленькая. На четверых рассчитана, да ещё столько же груза держит.

– Да, это был шлюп. Можешь себе представить?

– Честно говоря, парни, после того, как вы испугали меня совой, я буду с осторожностью слушать ваши рассказы.

– Как хочешь, Анхелика. Не любо, не слушай, а врать не мешай, – ответил Прометей.

– Ладно, пойду, приготовлю вам что-нибудь, – произнесла Анхелика и забралась в трюм.

– Что-нибудь съедобное! – крикнул ей вдогонку Иван.

Из трюма раздался обиженный голос.

– Ой-ой-ой, Моя кухня, мои правила. Что приготовлю, то и съедите.

Иван и Прометей переглянулись.

– Вот так и заканчиваются все хорошие начинания, – вздохнул Прометей.

– Да пройдёт это у неё. Характер немного строптивый. Мать говорит, что в ней много мексиканской крови. В молодом возрасте ведут себя, как оленихи, а потом исправляются.

– Хоть и во мне тоже много мексиканской крови, но я соглашусь с твоей матерью. Сравнение в точку.

Из трюма раздался умелое подражание оленьему крику, изображённое Анхеликой.

– Я всё слышу! Сегодня на обед будет мох!

Прометей и Иван рассмеялись. Чувство юмора девушки немного остудило их жажду критики.

За несколько часов плот достаточно отошёл от берега, чтобы спокойно плыть параллельно ему. Безопаснее было бы идти ближе к берегу, держа его в виду, но тогда пришлось бы огибать длинные зелёные языки водорослей. Прометей хорошо ориентировался по солнцу. К тому же на плоту имелся придуманный им прибор в виде металлического штыря, вертикально приколоченного к доске. На доске имелась шкала, отображающая дневное время, нанесённое полукругом. По этим отметинам и тени, отбрасываемой штырём, Прометей делал корректировку курса.

Большую часть дня на море стоял штиль, поэтому приходилось грести вёслами. Тут-то и проявилась польза от третьего члена экипажа. Раньше значительную часть времени отнимала готовка. Даже если в это время на вёслах оставался один человек, толку от него было мало. Ему приходилось бегать от борта к борту, чтобы выровнять плот. Скорости не было никакой, одна видимость. Теперь же можно было грести вплоть до отмашки Анхелики. Неторопливый перекус, небольшой отдых, а потом снова на вёсла.

Прометей подкорректировал в своих записях расстояние между ночёвками.

– Если всё пойдёт хорошо, то мы прибудем на место за два месяца.

– Было бы хорошо вернуться до зимы, – Иван вынул весло и смочил руки в воде. Ладони отполировались о древко до блеска. – Не хочу продрогнуть зимой на материке. Град этот ещё...

– Не переживай, если что, задержимся где-нибудь. Что для нас пережить четыре месяца на материке? Мелочь. Найдём крышу над головой, остальное приложится. Твоя Анхелика хоть ягод от пуза наестся.

– Я согласна! – Анхелика, кажется, всегда слышала, о чём говорят парни.

– Не боишься большой мартовской воды? – серьёзно спросил Иван. – Куда плот денем?

– Я думаю, что найдём к чему его привязать, чтобы не унесло. Зато представь, как быстро мы покинем материк по большой воде.

– Бррр! – Иван передёрнул плечами. – Нет уж, лучше дождаться, когда спадёт.

Два года назад, когда Иван только начинал приобщаться к путешествиям с Прометеем, они уже в апреле застали бурлящие потоки сезона дождей. Опасность этих потоков заключалась в том, что поднявшийся уровень воды поднимал покрывало водорослей, рвал его, делая большие участки непроходимыми в широкоступах. Помимо больших польней, опасность таилась в воронках. Дело в том, что уровень многих болот и равнинных водоёмов был разным, и когда в конце зимы на материке начинался сезон дождей, перетекающая вода закручивалась в мощные воронки. Некоторые из них нельзя было увидеть из-за плотного зелёного покрывала водорослей. Прометей многое знал, умел видеть и слышать опасность, но Ивана до рвотных колик пугала бушующая водная стихия.

– Не забывай, что мы отправились не на прогулку, а с вполне благородной целью найти людей. Поэтому мы будем искать их, пока не найдём, или не убедимся, что их нет, – Прометей поучительно поднял вверх указательный палец.

– А если они не примут нас? Вдруг они будут враждебны? – высунула голову из трюма Анхелика.

– А с чего бы им быть враждебными? – удивился Прометей. – Если предки завещали нам ценить каждого человека, почему бы и им не придерживаться такого плана? Помните, что говорила Джейн Оукленд? – Прометей посмотрел на Ивана, будто ему должна была передаться генетическая память от прабабки. – Смешение генов в небольшой группе быстро приведёт к деградации и вырождению. Слава богу, что нашими предками были люди из разных мест и мы ведём родословную, так что вырождение нам ещё какое-то время не грозит.

– Если не считать, что оно началось с Пита, – добавил Иван.

– Ну, Пит, просто погрешность. В своём роде он полезный человек, склонный к массовому размножению и тяжёлому труду. Я бы сказал, человек будущего.

– Ты хотел сказать, мы выродимся, если будем сидеть на одном месте? – Иван почувствовал иронию в голосе товарища.

– Да. Чем раньше мы забудем, кто мы, тем быстрее такие Питы станут нашим настоящим.

– Вот слушаю я вас, ребята, много умных слов вы произносите, которых я не знаю, и мне начинает казаться, что ваше «вырождение» и «деградация» затронуло и меня, – Анхелика вылезла из трюма и уселась на него сверху. Её лицо выражало грусть.

– Да не, ты нормальная, – кинулся успокаивать её Иван. – Тебе и не надо всего знать. У тебя задача другая.

– Какая? Размножаться?

– Нет, что ты. На тебе дом, семья, забота о муже. В будущем.

Иван взял руки девушки в свои. Глаза Анхелики наполнились слезами.

– Дура я! На самом деле дура! Зачем сбежала с вами? Теперь на моих родителей будут смотреть косо. На чёрта это всё мне было нужно? Вы, такие умные, а я тупица!

Анхелика уткнулась Ивану в плечо и разревелась.

Иван пожал плечами, в ответ на немой вопрос Прометея. Старший товарищ вздохнул, отвернулся от них, взял в руки весло и решительно загрёб. Иван провёл рукой по волосам Анхелики, по плечу, обнял, поцеловал в макушку, а потом отстранил от себя.

– Хватит реветь. Назад дороги нет.

Взял весло, сел с другого конца плота и размашисто ударил им по воде. Все разговоры на пару часов затихли. Слабый ветер едва поднимал лёгкую волну. Вода с тихими всплесками билась о борт. Море просветлело метров до двух в глубину. Рядом с Иваном лежала острога, приготовленная на случай, если косяк сельди пройдёт под плотом.

В минуты, когда разговаривать было не о чем, Иван, так же, как и Анхелика, думал о том, какую славу он оставил родителям. В отличие от Прометея, родители которого немного отличались воспитанием детей от остальных жителей, родители Ивана тяготели к классическому воспитанию. Они с детства разложили жизнь Ивана по полочкам. Ничего странного или авторитарного в этом не было. Жизнь в посёлке не баловала разнообразием. К тому же существовали заветы предков, которые требовалось выполнять. Желательно безукоснительно, потому что предки обладали знанием.

Перед сном, про себя, Иван иногда спорил с родителями, отстаивая свою точку зрения. Он находил оправдания своему поступку, приводя те же доводы, что и Прометей, но в глубине души сомневался и чувствовал себя виноватым, ибо знал, что самая главная причина – это нежелание жить так, как ему указывают. Многие из того, что рассказывал Прометей, начитавшись книг из библиотеки подлодки, Иван не понимал. Ему не хватало воображения представить, что-то другое, сильно отличающееся от их посёлка. Мир до катастрофы представлялся ему точно таким же посёлком, только во много раз больше.

По этой причине он и выбрал в друзья Прометея. Единственного человека, который мог дать его жизни разнообразие. Про себя Иван думал, что нагулявшись по материке, испробовав на вкус страх смерти, он потеряет интерес к разнообразию и с удовольствием примет правила жизни посёлка. Но пока он не нагуляется, родителям придётся краснеть за его поступки. Их было жалко, особенно сейчас, вдалеке от них.

Иван огляделся по сторонам. Море. Вокруг только вода, от горизонта и до горизонта. Их плот в бескрайнем море сразу представился песчинкой, как размером, так и амбициями, которые им управляли. На юге, там, где всегда висела дымка, горизонт темнел.

– Прометей, глянь, чего это? – Иван указал рукой в сторону темнеющего горизонта.

Прометей приложил ладонь ко лбу и пристально всмотрелся.

– Похоже на грозу.

– А разве в это время они бывают? – удивился Иван.

– У нас не бывают, а на материке по-всякому.

– До нас не достанет? – спросила Анхелика.

– Не должна. У нас ей нечем питаться. Давай всё же погребём на север. Не хотелось бы с первого дня попасть под дождь.

– И молнии, – добавила Анхелика. – Боюсь их.

Плот развернули к северу и налегли на вёсла. Гроза, как ни странно, наступала. Чёрная полоса освещалась частыми разрядами молний. По небу пронеслась стая чаек, будто удирая от грозы, за ней – крачки, которые редко покидают зелёные острова.

Иван увидел в этом дурное предзнаменование. Животные безошибочно чувствовали непогоду. Он не стал озвучивать свои догадки вслух. По лицу Прометей и так было ясно, что у того схожие мысли, а Анхелику тревожить не стоило, потому что непонятно было, как она отреагирует.

Порыв ветра прошёлся по поверхности воды навстречу грозе. Вода захлестнула плот, окатив Ивана и Прометей. Вспышки молний и гром приближались с каждой секундой.

– Я не пойму, почему ветер дует в одну сторону, а гроза идёт в другую? – удивился Иван.

– Потому что это разные слои. Тяжёлый холодный воздух движется понизу, а поверху идёт горячий пар. Как в бане зимой, замечал?

– Замечал.

– Здесь всё так же. И это очень дурной знак, когда ветер дует навстречу грозе. Одним дождём и громом мы не отделаемся.

– Ты о чём? – испугался Иван.

– Волна будет. Цепко держись. А Анхелику надо в трюм отправить.

– Нам, может быть, тоже в трюм?

– Нет. Ты, если боишься, можешь и спрятаться, а я буду плотом править, чтобы поперёк волны шёл, иначе перевернёт, – ответил Прометей.

– Да нет, ты что, я в трюм не полезу. Я с тобой.

– Тогда приматывай себя к доске, чтобы не смыло.

Прометей бросил весло и забрался в трюм, вынув оттуда верёвку и промасленную накидку.

– Держи! – он бросил их под ноги Ивану.

– А мне привязываться? – глаза у Анхелики стали в два раза больше.

Прометей замялся. С одной стороны он был уверен в надёжности постройки, с другой – понятия не имел, какой силы будут волны.

– Привяжись на всякий случай. Только не забудь отвязаться, если перевернёмся.

– Как это «перевернёмся»? – подбородок у Анхелики затрясся в последней стадии перед рёвом.

Иван бросил привязываться. Подошёл к ней, обнял, прошептал на ухо успокаивающие слова, затем завёл в трюм и помог привязаться.

– Всё будет хорошо, но лучше быть готовым к самому плохому. Следи за нами через щёлку. Если мы гребём, значит всё хорошо.

– А если нет? – со слезами в голосе спросила Анхелика.

– А если нет, значит, мы решили перекусить. Понятно? – пошутил Иван, но с таким металлом в голосе, что Анхелика засомневалась, было ли это шуткой.

Ветер переменился. Теперь он дул попутно выбранному ими курсу. Прометей расправил парус, чтобы ускориться. Тёплый влажный воздух обтекал плот и людей на нём, посвистывая в щелях трюма. Волнение моря усилилось, но ещё не было опасным. Плот плавно перекатывался по волнам. Стена дождя, тёмная и сплошная, подсвечиваемая изнутри вспышками молний, была уже в паре километров от них.

Морские обитатели, будто обеспокоенные приближающейся непогодой, выпрыгивали из воды, либо били хвостами. Прометей часто оглядывался назад. Он и не пытался скрывать волнение.

– Что за чертовщина? Откуда взялась эта гроза? Никогда же не было в это время!

Глухие раскаты грома сливались в протяжный рёв. Молнии бегали по всей длине тёмного дождевого занавеса без всякого перерыва. Иван редко видел старшего товарища застигнутым врасплох, поэтому волнение передалось и ему. Парус надувался тёплым влажным воздушным потоком всё сильнее. Перед плотом появились буруны. Вода переливалась через край борта, но на это никто не обращал внимания. Страшнее всего было наблюдать, как растут волны. Они нагоняли плот, подхватывали его на максимальной амплитуде, а потом проваливались под ним.

Такой грозной морскую стихию Иван ещё не видел. Мужики в посёлке, которые плавали на северные острова, рассказывали о штормах, но Иван относился к их рассказам, как к байкам. Вдоль южного побережья Новой Земли никто о них и слыхом не слыхивал. Море здесь всегда было спокойным. Однако наступающая их стена дождя и ветер говорили об обратном.

Первые крупные капли тёплого дождя застучали по дереву плота и одежде. Вода вокруг зарыбила от всплесков падающих капель. Никакой прохлады дождь не принёс, напротив, стало ещё душнее и жарче. Какие-то неведомые небесные силы нагрели воды, перед тем, как низвергнуть их на землю.

Стена дождя приближалась с шуршащим шумом, сопровождаемым частыми раскатами грома. Когда до неё осталось метров пятьдесят, ветер неожиданно начал стихать. Волна пошла на спад, но спокойнее от этого не стало. Тёмная стена, на которой отражались отсветы вспышек молний, порождала суеверный страх. Казалось, что за ней находится неведомый и опасный мир. Затихающий ветер перед стеной дождя тревожно шептал приглашение посетить этот мир.

Иван подумал, что лучше бы ветер так и гнал их вперёд, чем это затишье, похожее на молчание у свежей могилы. Парус опал. Плот как будто потянуло назад, но это могло ему всего лишь показаться из-за приближающегося дождя. До него оставались считанные метры.

И вот он обрушил всю свою стихийную силу на маленький плот. Свет вокруг померк. Стало темно, как ночью. Только вспышки молний на мгновение выхватывали из темноты яркие струи дождя и пенящуюся под ними поверхность воды. Гром гремел вокруг, закладывая уши. В промежутках между раскатами слышен был визг Анхелики. Иван про себя просил прощения у родителей, за свой поступок, особенно за то, что может доставить им горе своей смертью. Молнии били так близко и часто, что воздух наполнился запахом озона.

У Ивана кружилась голова оттого, что он чувствовал под собой волнение моря, но ничего не видел вокруг. Ему всё время казалось, что они кренятся и вот-вот провалятся бортом в морскую пучину. Иван убрал весло в сторону и обеими руками ухватился за доски. Прометей продолжал грести, но делал это скорее ради самоуспокоения. Он не видел ни направления волн, ни сторон света.

Молния сверкнула прямо над головой, ослепив яркой вспышкой. По коже пробежали мурашки статического электричества. И тут же вдогонку ударил сильный гром, на несколько секунд контузив экипаж плота. Иван потряс головой и вдруг замер. Над трюмом, на диагональных углах светились два ярких шара. Как лампочки из подлодки, которые включали раз в год, для демонстрации могущества погибшей цивилизации.

Прометей тоже заметил, что на плоту стало светлее. Он обернулся и замер, уставившись на необычайный природный феномен. Из трюма снова раздался визг Анхелики. Она выбежала наружу и бросилась к Ивану. Вцепилась ему в руку, задрожала, как олень перед ножом мясника. Её губы беззвучно что-то шептали, а глаза неотрывно смотрели на огни.

Феномен просуществовал недолго, не больше полминуты. Огни ослабли, будто их смыло дождём по углам трюма в воду.

– Иди назад, – Иван подтолкнул Анхелику. Снаружи было слишком мокро.

– Ни за что! Они теперь в трюме! – девушка испытывала непреодолимый суеверный страх перед природным феноменом.

– А тут может ударить молнией! И всё, не будет у мамы с папой Анхелики! – Иван ещё раз попытался отправить подругу в трюм.

– Пошли со мной, – жалобно попросила она.

– Пошли, – Иван глянул на Прометея.

Тот одобритительно кивнул.

В трюме тоже было сыро, но он создавал ощущение безопасности. Здесь пахло продуктами, и была крыша над головой.

– Видишь, здесь ничего нет. Сиди тут.

– Ладно. Только я буду смотреть на тебя, через щёлку.

– Чёрт с тобой, смотри.

Иван вернулся на своё место. Ему показалось, что дождь и вспышки молний стали реже. Тёплые струи дождя, наверное, имели ту же температуру, что и тело, потому что почти не ощущались кожей. Гром уже не оглушал, но ещё пугал своей силой. Прометей сидел на краю плота и смотрел в воду.

– Чего там? – спросил Иван.

Вместо ответа Прометей резко кольнул воду острой, вытащил из воды и продемонстрировал нанизанную на острие селёдку. Рыба вяло трепыхалась, как полудохлая.

– Наверное, под молнию попали. Я, вон, уже вторую из воды достал. Брюхом кверху всплыли.

Иван не стал долго удивляться. Он взял в руки свою острогу и присел у другого борта. Сразу же на глаза попался еле заметный силуэт неподвижной рыбы. Иван ткнул в него и достал трофей.

– Хотя что-то полезное, – пробубнил он и сдёрнул рыбу с крюка.

На ощупь рыбе брюхо показалось ему плотным. Иван поддел его острым кончиком остроги и вспорол. Рыбий живот был полон красновато-золотистой икры, готовой к скорому мёту. Иван любил икру и в жареном и в солёном виде.

– Прометей! – крикнул он. – У нас хватит горючки, чтобы икру поджарить?

– Нет, я поберегу её на всякий случай. Можно засолить, а селёдку замочить в уксусе.

– Понятно. У тебя есть с икрой?

Прометей кивнул. Иван решил, что ещё три «тяжёлых» рыбки смогут удовлетворить его потребность в деликатесе. Он примостился на самом краю плота, накрылся плотным куском оленьей кожи, как зонтом, чтобы не мокнуть самому и чтобы дождевые струи не били по воде, мешая высматривать неподвижную рыбу. Он заметил ещё одну слабую тень, медленно двигавшую телом, примерился и резко ударил острой. Рука и глаз не подвели.

Иван вынул острогу, желая похвастаться перед Прометеем рыбацкой удачей, когда из воды стремительно выскочила крупная рыба. Из-за сумерек и брызг Иван даже не успел понять какая именно. Она молниеносно цапнула большой пастью селёдку и утащила её на глубину вместе с острой.

Иван потерял дар речи от такой наглости. Прометей гоготнул.

– Марш на кухню! – сквозь смех произнёс он.

– Да чтоб она подавилась там моей острой! – в сердцах топнул ногой Иван.

Ему жалко было свой инструмент. Его острие было сделано из куска железа, оставшегося от прошлого мира, и на нём ещё просматривался выпуклый шрифт, казавшийся сакральным заклинанием предков. Иван убедил себя в том, что он приносит ему удачу.

– Не ты один тут хороший охотник, – поучительно произнёс Прометей. – Будь начеку.

– А чего теперь делать-то, без остроги? – Иван сел на пол, взял в руки весло и сделал несколько нервных бесцельных гребков. – Как дал бы веслом по морде этой рыбе!

Дождь стремительно затихал. Гроза удалялась. Ливень закончился резко – лодка словно перешла полосу, разделяющую сумерки и солнечный день. Сразу стало светло и прохладно. На небе сияла потрясающих размеров и красоты круговая радуга. Анхелика вышла из трюма и любовалась ею с открытым ртом. Тёмная полоса грозы, непрерывно мерцающая вспышками молний, уходила на запад.

– Надо записать в бортовой журнал про сегодняшний случай. – Прометей поднялся и ушёл в трюм.

Анхелика подошла к Ивану, присела рядом и взяла его за руку.

– Чего шумел? – с кошачьей интонацией промурлыкала она.

– Да, окунь что ли, утащил мою острогу, вместе с добычей. Вон, одну селёдку успел поймать. С икрой, – Иван показал подруге рыбу со вспоротым брюхом. – Икры хотелось.

– Давай, я засолю для тебя, – Анхелика прижалась ещё сильнее.

– Давай. У Прометея ещё есть.

– Красиво как, – восхищённо произнесла Анхелика, имея в виду шикарную радугу.

– Да, очень. Особенно после такой грозы.

– Это точно. Мы здесь такие слабые, не то, что на острове. Я думала, что мы утонем. Так всё грохотало и сверкало, и волны такие были. А вы не боялись?

– По правде сказать, я боялся. Ничего такого я ещё не видел, – Иван приложился губами к уху девушки. – Думаю, и Прометей тоже.

– Что на ушко, то брехня! – произнёс сзади Прометей.

Иван и Анхелика отстранились друг от друга, будто подростки, которых застукали родители. Потом опомнились и снова прижались.

– Ладно, шучу я. После такого инцидента чего бы и не пообниматься. Заслужили.

Прометей любил вставлять непонятные слова, типа «инцидент», которые давно вышли из оборота жителей посёлка. Ему они казались незаконно забытыми и несущими глубокий смысл, ёмко описывая предметы и явления. Он наблюдал, что всё идёт к упрощению, начиная от технологий, быта, и заканчивая речью. Свою миссию в обществе он видел в сохранении наследия предков. Он помнил фразу, оставленную первым капразом Татарчуком: «Будет идти время, и вы начнёте забывать всё, что знали мы. Вас будет искушать огромный соблазн надеяться на непонимаемые вами события сверхъестественной силой. Запомните, у всего есть своё объяснение. Всё на свете поддаётся изучению и пониманию. Мифологизация непонимаемого грозит вам погружением в беспросветную пучину мракобесия на долгие годы».

К этому всё и шло. Даже мудрые цитаты предков каждый капраз пытался истолковать по-своему. Им надо было оправдать многие моменты, которые уходили раз и навсегда. Так было с ядерным реактором подводной лодки, обеспечивающим посёлок электричеством. В один прекрасный день он перестал давать ток. Погасли последние лампочки, остановились электродвигатели. Этот день стал первым днём, когда люди поняли, что они неспособны создать ничего подобного ядерному реактору. Капраз Матвей тогда возвестил, что эпоха «грязных» технологий закончилась и началась эпоха натуральных, с лучинами и мускульной силой.

– Так, наобнимались? – по-деловому спросил Прометей у молодой парочки. – Надо из трюма всё наружу вытащить, на просушку.

Будто и не было только что грозы, пугающей до смерти. Небо синело над головой, на глазах таяла радуга, а свежий ветерок приятно охлаждал тело. Плот стал похож на барахолку. Вещи и продукты из трюма заняли всю его площадь. Прометей оценивающе оглядел состояние, в котором они вышли из переделки. Кроме промокших вещей и залитых продуктов никаких страшных последствий странная гроза им не нанесла.

Прометей посмотрел на запад. Тёмная полоса грозы ещё была видна на горизонте. Он вспомнил, что собирался записать событие в бортовой журнал, достал записную книжку и сделал пометку.

Несмотря на столетний срок, прошедший после катастрофы, климат планеты всё ещё формировался и частенько приносил сюрпризы. Старожилы, помнящие тёмное небо над головой и материка без тумана, рассказывали о невероятных смерчах, высасывающих воду прямо в небо и обрушивающих её внезапно и в большом количестве. О ветрах, поднимающих волну на густой и чёрной воде. Сейчас на материке нет ветров вообще. Только туман, влажность и смрад. В то, что когда-то материка были покрыты водой и поверх неё не было зелёного ковра из водорослей, сейчас верилось с трудом. Слово «материк» ассоциировалось с туманом, зыбким зелёным ковром и смрадом.

Взявшуюся из ниоткуда сильную грозу можно было считать попыткой природы сформировать устойчивый циклический климат, или же попыткой избавиться от лишнего потенциала, возникшего где-то в атмосфере. Прометей знал от некоторых сведущих стариков, что влажная атмосфера материка иначе распределяет температуру. Если в чистой атмосфере Новой Земли воздух остывал по мере высоты, то на материке, укрытом шапкой тумана, сильнее нагревалась её верхняя часть, а у земли она была прохладней. По этой причине на материке отсутствовала вертикальная конвекция, что в свою очередь приводило к полному отсутствию ветра. Но потенциал разогретого воздуха нужно было куда-то девать, и поэтому движение воздушных масс начиналось выше уровня тумана. Часто грозы на материке грохотали высоко вверх, пугая только проливным дождём, либо, в зимнее время, градом.

Так напугавшая путешественников гроза пришла с материка. Сбросила перегретую влагу, чтобы установить баланс в атмосфере, перепугала до смерти трёх человек, записанных в «Красную книгу» и ушла дальше.

Прометей достал свой бортовой журнал – маленькую книжицу, которую всегда носил с собой. Её обложка была сделана из толстой медвежьей шкуры, а страницы изготовлены из самодельной бумаги. Она имела светло-коричневый цвет и рыхлую текстуру и не шла ни в какое сравнение по качеству со страницами бортового журнала подлодки. Но Прометей любил свой журнал именно за то, что изготовил его самостоятельно. В него были занесены все заметные явления, встречающиеся ему во время путешествий. Последние несколько строчек он посвятил месту и времени встречи с новым природным явлением – тёплой и мощной грозой.

Иван и Прометей сели на вёсла. Ветер помог им сделать дневную норму, но на будущее лучше было иметь небольшой запас сил, на всякий непредвиденный случай. Анхелика развесила тряпки на трюм, чтобы они скорее сохли. Потом взяла селёдку, вынула икру из тех рыб, в которых она оказалась. Таких оказалось три. Она уложила икру в деревянную плашку, посолила и выставила на солнце. К завтрашнему обеду она должна была приготовиться. Селёдку порезала кусочками. Голову и хвосты выбросила за борт. Плотные кусочки с жирком Прометей попросил залить уксусом. В рассол он набросал каких-то пряных трав и приказал ждать до утра. Анхелика с брезгливостью отнеслась к тому, чтобы есть сырую рыбу. Для неё существовали всего три вкуса – жареного, варёного и вяленого. Причём, последний вариант был самым несъедобным.

– Завтра тебя за уши не оттянем от такого блюда, – пообещал Иван, заметивший брезгливую мордашу у Анхелики.

– Ой, сомневаюсь, – неуверенно ответила девушка.

– Посмотрим.

Горизонт был чист от края и до края. Ветер едва волновал море. Парни не прекращали грести, а Анхелика находила себе работу по хозяйству. Она нашла моток льняной верёвки и спросила разрешения у Прометея повесить её между мачтой и трюмом. Капитан плота дал своё согласие. В итоге женское присутствие превратило плот в миниатюрный двор, на котором сушится бельё.

– А это идея! – произнёс Иван. – Если сделать большой плот, то на нём можно будет жить не хуже, чем в посёлке. Здесь есть всё для нормальной жизни.

– Не, я за тобой в такой дом не пошла бы. Одной грозы сегодня хватило, чтобы полюбить землю навсегда, – ответила Анхелика. – Управлять таким плотом будет тяжело, да и какой в этом смысл, чтобы жить на воде?

– Не знаю, – неуверенно ответил Иван. – Может быть, с таких людей началась бы линия матросов, таких, как наши предки? Жили бы и развивались каждый по-своему, торговали бы друг с другом. Меняли бы рыбу на оленину, тюлений жир на медвежий.

– Шило на мыло, – ехидно добавил Прометей.

– У, не напоминай про мыло, – скривился Иван. – А что, было бы интересно и познавательно.

– Как знать? Но по мне, лучше бы мы научились находить породу с рудой и плавить из неё металлы. Сколько ещё мы сможем перековывать старое железо? Оно ведь ржавеет, окалиной отбивается. Лет через сто, когда народу станет намного больше, его уже не хватит на всех. А то и раньше.

Прометей уставился вдаль.

В минуты, когда он представлял себе, как люди будут жить в будущем, его взгляд становился рассеянным, отсутствующим. Наверное, он как наяву видел картинки из будущей жизни. Его проницательность позволяла ему предвидеть проблемы будущего. Хотя, надо сказать, что проблемами их считал только сам Прометей. Большинство жителей полагало процесс потери многих технологий естественным, и было готово к ухудшению условий жизни и увеличению доли ручного труда.

– А может быть ты и прав, Иван, – неожиданно произнёс Прометей. – Кто-то должен объехать весь мир. Вдруг таких посёлков, как наш, полно. Ведь есть где-то посёлок на Аляске, основанный американскими подводниками. Так же могли спастись и люди в южном полушарии. Вдруг окажется, что Австралия почти не пострадала и живёт себе сейчас, как ни в чём не бывало, только скорбит всем остальным. Представь, если целый континент оказался нетронутым, то и регресс их не затронул. У них всё должно быть точно так же, как и до катастрофы. Смотрят телевизор, используют интернет, электрический свет, кипятят воду на электричестве, летают на самолётах.

– Фантазёр ты, Прометей, – выдернула капитана из мечтаний Анхелика.

Иван строго цыкнул на неё.

– Не обижайся, пожалуйста, но ты мастер выдумывать разные вещи, от которых нет никакой пользы, – не унималась Анхелика.

Ивану пришлось тайком показать ей кулак и нахмурить брови.

– Да я и не обижаюсь, Анхелика. Мы с тобой преследуем разные цели, поэтому на многие вещи смотрим по-разному. Тебе нужен дом, муж и дети. Ты этим меришь своё счастье. Я хочу, чтобы у нас, как у наследников могучей цивилизации была возможность скорее достичь того же уровня. Ты мыслишь как домохозяйка. Всё, что ты не можешь понять и применить дома, ты не берёшь в расчёт. Если представить, что такие как ты взяли на себя управление посёлком, тот он не просуществует и ста лет. Ты знаешь, как сделать станок для производства домашней посуды?

– Хм, нет. Зачем мне это надо?

– Ты знаешь, как сделать ткацкий станок? Бумагу? Производить селекцию растений? Варить мыло?

Иван снова скривился.

– На кой мне это? – не соглашалась девушка.

– А я знаю. А теперь подумай, кому из нас решать, что лучше, а что хуже? Что из этого фантазия, а что – забота о людях?

Анхелика сжала губы, нахмурилась но промолчала, не найдя никаких доводов. Иван подошёл к ней, нежно взял под ручку и отвёл за трюм.

– Если ещё раз нагрубишь Прометею, я дам тебе подзатыльник. Поняла?

– Поняла, – обиженно произнесла девушка.

– Иди, ужин готовь.

Иван вернулся на место и взял в руки весло. На Прометея он не смотрел, потому что был уверен, что тому будет интересно, о чём он шушукался с Анхеликой. Иван не хотел посвящать его в свои, почти семейные дела.

Анхелика прошлась по палубе, пощупала подмокшую оленину.

– Давайте, я развешу её на верёвках, а то пропадёт, – предложила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.